

Верь, надейся, люби!

В ожидании
Синдбада

Роман

НАТАЛИЯ
МИРОНИНА

Счастливый билет

Наталия Миронина
В ожидании Синдбада

«ЭКСМО»

2017

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Миронина Н.

В ожидании Синдбада / Н. Миронина — «Эксмо»,
2017 — (Счастливый билет)

ISBN 978-5-04-088535-0

Что делать, если тебе под сорок, личная жизнь не складывается и ты всего лишь музейный работник в маленьком провинциальном городке? Отдушиной могут стать служебные командировки – именно в одной из них у Ники Одинцовой завязываются отношения с Виктором Кочетовым, директором художественного музея. И надо же такому случиться – именно в этот момент из-за границы приезжает любовь ее молодости Егор Бестужев, преуспевающий бизнесмен. Оба мужчины могут составить счастье Ники Одинцовой, но для кого откроется ее сердце?

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-088535-0

© Миронина Н., 2017
© Эксмо, 2017

Содержание

Пролог	6
Часть первая	7
Глава 1	7
Глава 2	13
Глава 3	20
Глава 4	32
Глава 5	38
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Наталья Миронина

В ожидании Синдбада

© Миронина Н., 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

* * *

Пролог

Тот, второй, вышедший из машины, был очень красивым. Тетка, торговавшая на углу цветами, заметила это сразу. И одет хорошо – светлая рубашка, голубые джинсы, модная куртка. А водитель весь в черном. Цветочница оставила букеты и внимательно присмотрелась. «Странно. Чего это они здесь остановились?! Не за цветами же. Разве только сигареты купить. Тут больше ничего и нет», – подумала она. Перекресток казался безлюдным. Справа высились корпуса неработающего завода, слева – пустырь со строительными вагончиками. Жилые дома стояли поодаль.

– Сейчас, только сигареты куплю, – сказал водитель, выходя из машины.

– Да без проблем, – ответил второй, – я разомнусь.

Водитель дернулся при этих словах, а молодой парень пошел по тротуару.

Цветочница наблюдала за ним. «Хорош. Ой, хорош, ладный!» – думала она, радуясь хоть какому-то развлечению. Ее покупатели появятся позже, когда в больнице начнутся часы посещения. Парень тем временем дошел до угла и повернул было назад, как из-за поворота бесшумно вылетела машина. Она пересекла «сплошную» и затормозила около парня. Из машины выскочили двое. То, что произошло потом, цветочница еще долго пересказывала знакомым. Те двое скрутили молодого человека, который закричал и попытался сопротивляться, но его ударили в лицо, накинули на голову какую-то тряпку и затолкали в машину. Водитель внимательно наблюдал со стороны, а когда похитители скрылись, спокойно сел в свою машину и уехал в противоположном направлении. Ни на продавца сигарет, выскочившего на шум, ни на цветочницу никто не обратил никакого внимания.

Часть первая 1996 год

Глава 1

– Ника, вставай! Опоздаешь!

Ее трясли за плечо, потом попробовали сдернуть одеяло. Не тут-то было. Ника, с головой зарывшись в постель, одеяла не отпускала. Она всеми силами продлевала ночь. Утро и день не сулили ей ничего особенного – школа, контрольная. Вообще-то, она давно не спала. Уже час ее сон казался похожим на игру «замри» – неподвижность, закрытые глаза и много неприятных мыслей. Ей хотелось, чтобы этот день не начинался. «Надо вставать», – она прислушалась к маминим шагам, бодрым и энергичным. «Да, надо вставать! Мама обиделась – будила меня, будила, завтрак приготовила, а я все лежу. Непорядок! И потом, все равно уже не засну».

Ника вздохнула, откинула одеяло и только потом открыла глаза. Ближе всего стоял старый платяной шкаф, который когда-то достался им от бабушки. Шкаф был таким огромным и таким тяжелым, что любые попытки избавиться от него ничем не заканчивались. Потом Ника увидела свой письменный стол с горой учебников, среди которых стояла большая чашка в красных цветах. В ней мама приносила теплое молоко. Вечером это было сигналом прекращать занятия и готовиться ко сну. «Когда-нибудь мы все это выбросим. И вообще, когда-нибудь мы переедем в нормальную квартиру. Новую. В новом доме! – подумала Ника, прислушиваясь, как в кухне скрипят половицы. – Наш дом совсем старенький. Хотя мама и слышать не хочет ничего, все твердит про ремонт. А где такие деньги взять?!» Ника вздохнула и прокричала:

– Все, встаю, встаю!

Но как только ее босые ноги коснулись ледяного пола, она ойкнула и снова залезла под одеяло.

– Ника! Господи, ты опоздаешь в школу, я опоздаю на работу. Хоть и не платят денег, а кто-то должен заниматься ежедневными делами! – В дверях появилась мать, молодая, статная женщина. Одетая она была скромно, но требовательно – ворот строгой белой блузки скрепляла большая камея, а на широкой юбке отглажены все складки.

– Мама, – тянула время Ника, – мама, а что случилось? Почему ты такая нарядная?

– Я уже семнадцать лет как мама, – сердито сказала Калерия Петровна Одинцова, – но вставать вовремя и не опаздывать так тебя и не научила! Живо поднимайся, шагай в ванную, и я жду тебя завтракать!

Калерия Петровна по-военному четко повернулась на маленьких каблучках и исчезла в дверях.

Ника вылезла из-под одеяла и прошлепала в ванную. Ванная тоже была предметом вечных споров и рассуждений. Старый кафель, старый нагреватель, разболтанный кран и новая шторка в золотых рыбках – гордость мамы. «Стоит, как кусок мяса, но нашу жуткую ванную хоть немного украсит! – сказала она, доставая пахучий, сложенный вчетверо квадрат полиэтилена. Ника помнила, что благодаря этой шторке в ванной исчез теплый сырой запах, а появился аромат новизны, ремонта, радостного обновления. На какое-то время шторка примирила Нику с домашней действительностью, но, впрочем, не надолго. Тоска по новому, свежему жилью появилась снова.

Ника присела на край ванны, включила кран и подставила пальцы, ожидая, когда польется теплая вода. На минуту Ника задумалась: «Еще два дня, а там выходные, а это значит, что приедет Егор».

Да, всего два дня, и он приедет. И все станет проще, легче, не так беспросветно. И совершенно ее не будет волновать их старый дом, требующий капитального ремонта, а будущее предстанет таким, в котором нет места проблемам. На минуту к Нике вернулось хорошее настроение. Но только на минуту, потому что из-за двери послышался голос матери:

– Ты там не заснула? Надеюсь, ты помнишь, что тебе надо в школу, а мне на работу. У меня сегодня совещание! Районное!

– Да, мама, слышу. Уже иду! – ответила Ника, прислушиваясь к мамину голосу. Ее всегда удивляло, откуда в матери столько энергии. Конечно, быть директором городского музея – это ответственность и нужно всегда быть в форме. Вот и совещания у нее часто. А она, Ника, в свои семнадцать лет часто ленится, бывает нерасторопной, благодушной и не демонстрирует готовности бороться с жизненными обстоятельствами.

– Ника! – прозвучало прямо под дверь. – Заснула опять? Я жду тебя завтракать!

– Да, сейчас, – пробормотала Ника и глянула на себя в старое пятнистое зеркало. Зеркало ответило заспанным лицом симпатичной семнадцатилетней девочки. «Это – я! – сказала себе Ника, увидев свое отражение. – Это – я! Рыжая, худая и вроде бы красивая. По крайней мере, так думает Егор. Но ведь это – главное!»

Ника улыбнулась и подмигнула себе.

– Ника, я опаздываю! – торопили ее снаружи.

– Все, мама, я иду. – Плеснула себе в лицо водой, быстро почистила зубы и напоследок окатила себя прохладным душем – бойлер работал из рук вон плохо. Закутавшись в мамин старый халат, она вышла на кухню.

– Вот тебе бутерброды. Да, это, конечно не ветчина, это какой-то заменитель. Ты не представляешь, с какой скоростью дорожают продукты! И когда это закончится?! На обед ничего нет, свари себе что-нибудь – молоко есть и банка тушенки. Можно макароны. Можно кашу какую-нибудь. Заодно и на ужин будет! – затараторила мама, наливая чай.

– Хорошо, – пробормотала Ника. Она согласна была сжевать этот жуткий бутерброд с «мыльным» вкусом, только бы ее оставили одну, не тормозили, не дергали, не торопили. Ника не любила суету, ей нравились тишина и возможность подумать о собственной жизни, представить себе, как Егор идет на лекции, помечтать о том, как они увидятся на выходных.

– Что с тобой сегодня?! – Калерия Петровна поставила чашку и внимательно посмотрела на дочь, – ты здорова?! У тебя ничего не болит?

– Нет, мам. Все нормально, – мотнула головой Ника.

– Хорошо, это я тебя, наверное, разбудила резко, – смягчилась Калерия Петровна. – Так бывает. Просыпаться надо медленно. Солнце ведь не вскакивает как оглашенное, рассвет – это целый ритуал! Все, я побежала!

Мать допила чай, поставила чашку в раковину, смахнула со стола крошки и вышла. Вскоре Ника услышала мягкий стук обитой дерматином двери. В окно увидела, как мать прошла по дорожке сада и на минуту задержалась у взошедшего после зимы пиона. Когда хлопнула калитка, Ника подумала: «Маме нужен новый плащ! Этот такой страшный, даже по плечам немного выгорел. Когда она воротник поднимает, особенно заметно!» И тут же дала себе слово, что они купят Калерии Петровне плащ. Новый, шикарный, с множеством хлястиков по теперешней моде. А еще они купят ей, Нике, сапоги, черные замшевые ботфорты. И отметят эти покупки большой пиццей, которую теперь продают в гастрономе.

Но это может случиться не раньше зимы – когда Ника уже поступит в институт, получит первую стипендию и устроится на какую-нибудь «подработку». «Обязательно – новый плащ маме! И теплый жакет!» – пообещала себе Ника. Ей и в голову не могло прийти, что очень скоро в ее жизни случатся события, которые заставят забыть о планах и аукнутся через много лет.

Оставшись одна, Ника обошла дом. Старенький дом, в котором жили еще бабушка с дедушкой. Она любила так делать. Здесь когда-то сделали ремонт – добротный, дорогой. От него остались югославские обои на стенах, новые половицы на полу, но не крашенные, а покрытые лаком, остались двери сосновые, тоже некрашенные. Но это все сделано давно и теперь немного выцвело. Ника еще раз заглянула в ванную, но теперь для того, чтобы понюхать мамины духи. Они, как обычно, стояли на полочке – «Нефертити», шесть рублей ноль-ноль копеек до всех денежных реформ.

В старом платяном шкафу одежды висело немного. Они с матерью новое покупали нечасто, экономно берегли старое и только недавно решились расстаться с длинным черным свитером толстой вязки, на котором вышиты алые цветы. Однажды Ника обнаружила в комнате бархатную моль и обвинила в этом старую одежду. Черный свитер казался «плечистым», с широкой проймой, но было ясно, что никуда, кроме как на огород, Ника его не наденет, потому что теперь он больше походил на решето. «Вот, доэкономились! Моль все сожрала!» – Ника с каким-то удовлетворением сообщила о происшествии матери. Конечно, обидно – свитер шел под ее рыжие волосы, она чувствовала себя королевой в нем и черных блестящих лосинах, а одноклассницы вздыхали от зависти.

Сейчас Ника выбрала узкую черную юбку, белую блузку, черные туфли. Это был ее строгий выходной наряд. Особенно Ника гордилась своими туфлями – замшевыми, с бантиками. Мама их купила у знакомой за огромные деньги. «На носу выпускной и поступление! Все равно придется покупать что-то нарядное», – сказала мама. Деньги за туфли договорились отдать в два приема.

Одевшись, Ника еще раз обошла дом, разложила вещи по своим местам – мама терпеть не могла беспорядка. На глаза ей попала фарфоровая статуэтка, она взяла ее с книжной полки и повертела в руках. «Зачем мама поставила ее рядом с книгами? Она ведь может упасть и разбиться!» – подумала Ника, и тревога закралась ей в душу. Глядя на эту изящную вещицу, она вдруг мысленно увидела плачущую маму, а душой ощутила безысходность горя. «Господи, да ерунда какая! Что это на меня нашло сегодня?! Ведь все хорошо! Все просто замечательно! Вот и Егор через два дня приедет!» – Ника торопливо поставила фигурку на место, на всякий случай задвигая ее поближе к стене.

– Вера, Верка, выходи! – С улицы послышался противный голос. Ника подбежала к окну. Там, пряча зажженную сигарету, стояла ее подруга Наталья Шевцова. «Вредина эта Наташка! Всегда зовет меня Верой. Не Вероникой, не Никой. Именно Верой или Веркой. Моему имени завидует, что ли? – Ника усмехнулась. – Наверняка сейчас будет рассказывать о своих приключениях. При Аньке стесняется. Анька на язык резкая. До школы близко, но пойдем мы «долгой» дорогой. А в школе...» – Ника схватила ключи и выскочила на крыльцо.

– О, ты чего это при таком параде? – Шевцова указала на белую блузку.

– Надо, – загадочно ответила Ника.

– Ясно, – коротко ответила подруга и протянула сигареты, – будешь? Нормальные. Дорогие. Salem называются. С ментолом. Мне вчера Генка подарил.

– Деньги у этого Генки, видно, есть!

– Есть, есть. Я же тебе говорила. Он бабулек «пасет». Тех, что пироги пекут и на трассе торгуют.

– Егор говорит, что это не бизнес. Это так, разбой.

– Твоему Егору вообще легко рассуждать. Вот что он знает о жизни? Что? Он же всегда был сам по себе. И все из-за родителей!

– Ладно, – отмахнулась Ника, – я только хотела сказать, что у этого Генки действительно денег куры не клюют.

– Вот и я об этом. – Шевцова поправила челку, добавила: – Думаю, может, замуж за него выйти? Вот аттестат получу и сразу замуж. Чтобы уже не думать ни о чем.

– Нет, ты не выйдешь замуж за этого Геннадия, – вдруг резко сказала Ника. Она не переставала удивляться собственной резкости и совершенно необъяснимым предчувствиям.

– С чего ты это взяла? – возмутилась Наташа. – Ты знаешь, как он за мной бегаёт?! Он же под окнами у меня все вечера проводит. А цветы? Сколько раз он мне букеты приносил. И не эти, венчиками, что Карасева «вяжет» на рынке. У нее же действительно венчики, а не букеты. А он настоящие, такие, в гофрированной бумаге, с лентами. Говорят, это импортное все.

– А цветы наши?

– Не знаю! – отмахнулась Шевцова. – Важно, что очень красивые букеты! Генка, он такой, он всегда знает, чего я хочу. Понимаешь, вот идем по улице, и он раз – покупает мороженое. А ведь я и слова не сказала.

– Наташка, все знают, что ты сластена, – рассмеялась Ника.

– Нет, ты специально все это говоришь! Чтобы поиздеваться надо мной! А я же не все рассказываю просто. Ни тебе, ни Аньке. А на самом деле...

Как это ни удивительно, но слепое предчувствие событий не будет обманчивым. Ника поймет это только через несколько лет. И Наташа Шевцова вспомнит об этом разговоре, когда с ней случится несчастье. Она действительно не выйдет замуж за этого Генку. Она выйдет замуж за другого. За Сашу Лепесткова, бандита по прозвищу Лепесток. И его убьют на ее глазах. Они будут сидеть в новенькой «шестерке» на мосту и ждать знакомого. Но вместо него подъедет мотоциклист и два раза выстрелит ее мужу в голову. Она будет кричать, пытаться вытащить его из машины. Но будет поздно. Наташу не оставят его друзья – у нее всегда будут деньги. Ее будут по-особенному, боязливо «уважать» в городе. Но с ней не будут особенно дружить. И ей будет тошно, что хоть в петлю. А потом к Наташе Шевцовой посватается вдовец из Москвы. С пятью детьми. И она согласится. И сначала они будут жить здесь, в Славске, но постепенно дорогу в ее дом забудут прежние друзья. Кто-то будет винить ее в грехах бывшего мужа. Кто-то позавидует – второй муж будет любящим и заботливым. И в конце концов они переберутся в Москву. Наташин муж разбогатеет, и купят они большую квартиру, а потом построят дом. А Шевцова очень скоро превратится во всеобщую маму, няню и бабушку. И будет счастлива. В Наташе Шевцовой удивительным образом будет сочетаться хозяйственная практичность с любовью к авантюризму. Это сочетание станет ее судьбой. Все это случится в будущем, но девочки, семнадцатилетние девочки, даже не подозревают о том, что готовит им судьба.

В какой-то книжке Ника прочитала, что человека нельзя спасти, его судьба – это данность. В этой книжке еще писали, что от судьбы не уберечь, но можно только открыть глаза на то, что есть другой путь. Но почему именно сегодня Ника думает о будущем? Почему предчувствие чего-то мрачного и темного, появившееся еще дома, не отступает, не покидает ее душу, не дает ей покоя и отравляет солнечное утро.

– А может, ты права? Может, Генка – то самое? – Ника улыбнулась. Ей захотелось превратить все в шутку.

– Вот, видишь, ты сама понимаешь, – обрадовалась Наташа, – сама понимаешь, что не будет человек так просто год за мной ходить! Он же мог с любой гулять! Ты же Генку знаешь! Генка – это возможности!

– Да, конечно, – ответила Ника и вспомнила, что такие «возможности» есть у многих парней в городе. Возможности с ограниченной ответственностью, так сказать.

– Ладно, видно будет, – мечтательно улыбнулась Шевцова, – а ты когда-нибудь думала, за кого выйдешь замуж? Ну хоть прикидывала?

– А что прикидывать, – ответила Ника, – я и так знаю.

– Да ты что? – Шевцова даже остановилась.

Ника уверенно сказала:

– Ну, как тебе сказать, мне иногда кажется, что я себе представляю, как это будет.

– Как? Ну, скажи как? – Стало ясно, что одним предложением от Наташи не отделаться. Тема бракосочетания была ее любимая тема.

– Ну, – протянула Ника и вдруг сказала: – Я уеду учиться в Москву. Я поступлю в университет. И там встречу его.

– Нет, подожди, – взмолилась Шевцова, – ты с подробностями. Ну, где, как он выглядит, как одет. И какой характер у него.

– Характер? – Ника вздохнула. – Давай по порядку. Он будет аспирантом, а я – еще студенткой. Мы встретимся на кафедре, и он со мной заговорит.

– А дальше? – мечтательно спросила Шевцова.

– А дальше мы пойдем погулять, будем разговаривать.

– О чем? О чем вы будете разговаривать?

– Не помню, – пожала плечами Ника.

– Что значит «не помню»?! – возмутилась Шевцова. – Ты придумай!

– Ах, да... – смутилась Ника, – мы будем разговаривать обо всем: о жизни, о прошлом, о родителях.

– А как ты поймешь, что ему нравишься?

– Он скажет, что влюбился в меня.

– А дальше?

– А дальше – его родители будут против. Я им не понравлюсь.

– Это понятно, – кивнула головой Шевцова, – ты извини, Вера, характер у тебя очень сложный. Иногда с тобой тяжело. Даже неприятно.

– Ну, ты даешь! – Ника рассмеялась.

Наконец-то впервые за весь этот удивительный день ей стало смешно. Взрослые девицы, а занимаются такой ерундой. Вот она, например, придумала какую-то историю с замужеством в Москве. Хотя, скорее всего, это чушь полная, и только Шевцова, с ее любовью к «свадебным историям» может в это поверить. А если серьезно, то Ника выйдет замуж за Егора. Они это уже решили, договорились обо всем, но знать об этом никому не надо. Ну, хотя бы чтобы не сглазили.

– Я – без всякого, я – честно. Знаю-то тебя давно! – теперь смутилась Шевцова.

– Понятно, – миролюбиво сказала Ника, – скажу тебе по секрету...

– Что? Что ты скажешь по секрету?!

У Шевцовой от возбуждения даже дыхание остановилось.

– Скажу, что мы – страшные дуры!

– Почему это?

– Как можно знать будущее?!

– Знать нельзя, – согласилась Шевцова, – но можно помечтать. Вот, например, дети...

– А что дети?

– Вот я хочу много детей. А ты?

– Откуда я знаю, Наташ? Я пока думаю об институте, о карьере. Все-таки важно встать на ноги.

– Во-о-от! – с удовлетворением протянула подруга. – Я же говорю, Одинцова, с тобой очень тяжело. Мужчине нужен ребенок.

– Шевцова, ты неисправима. Но, думаю, ты права, – с сарказмом ответила Ника. – Что-то у меня голова разболелась от всех этих разговоров.

– Это плохо. Сегодня контрольная, если ты помнишь. Ты готова?

– К контрольной? – переспросила Ника.

– Подруга, ты что это сегодня такая малохолевая? Что-то случилось? – Наташа озабоченно взяла Нику под руку.

– Со мной?

– Да, с тобой. У тебя с Егором все хорошо? Волноваться ни о чем не надо? – Наташка со значением скосила глаза куда-то вниз.

– Ах, ты об этом?! Я же тебе говорила, между нами нет ничего такого!

– Рассказывай, два года ходите вместе – и «нет ничего такого».

– Ой, Шевцова, ты неисправима! Успокойся, все нормально. В смысле, все хорошо.

– Смотри, если что...

– Да все хорошо. Я же тебе все объяснила. Просто сегодня не выпалась. Не обращай внимания! Готовилась, читала. Мне дали конспекты на два дня. Понимаешь...

– Понимаю, – улыбнулась Шевцова, – вот почему я ничего никогда не зубрю. Либо – выплывешь, либо потонешь. Это – судьба.

Их городок назывался Славск. Свое имя он получил от названия реки Славки, которое происходило от названия маленьких серых птичек, во множестве обитавших в густых прибрежных кустах. В некоторых путеводителях город называли купеческим, но это неточность. В давние времена купцов здесь было немного, в основном город населяли инженеры, технологи и рабочие, потому что лет триста назад город вырос вокруг большой шелкопрядильной мануфактуры. В Славске изготавливали плотные, тонкие, узорчатые, гладкие шелка и экспортировали их во многие страны мира.

Архитектура в городе была старая, больница при всех властях располагалась в том здании, которое в старину для нее построили. Так обстояло дело и со школами, поликлиниками, банями и прочими зданиями. Ника Одинцова о своем городе знала все: ее мама всю свою жизнь проработала в Центральном городском музее и все истории улиц и домов Ника выслушивала на ночь вместо сказок.

Внезапно сзади налетела Анька:

– Где вы ходите?! Вы что, не знаете, что произошло?! Весь город уже знает! – Ее голос звучал взволнованно.

– А что произошло? Только половина девятого! Что в нашем Славске может произойти утром? Тут и днем, и вечером ничего не происходит, – рассмеялась Шевцова.

Аня строго посмотрела на нее и перевела взгляд на Нику.

– Ника, ты действительно ничего не знаешь?

– А что я должна знать? – спросила Ника и тут тревога, которая совсем недавно исчезла, снова охватила ее. – Что такое стряслось?

– Убили Петра Николаевича, отца Егора...

– Господи! – воскликнула Ника. Она вдруг испугалась саму себя. «Так вот, значит, откуда это ожидание чего-то плохого, зачем я обо всем этом думала?!»

– Кошмар! – воскликнула Наташа и уставилась на Нику.

– Надо сообщить Егору, – ответила Ника, – но как? Нам надо что-то делать! – Ника еле сдерживалась, чтобы не броситься к Бестужевым. – Девочки, я не пойду на уроки! Мне нужно туда, к ним! Надо найти Егора!

– Подожди, подожди! Тебя не пустят никуда. И ты не сможешь ни с кем поговорить! Там милиция и следователи. Говорят, даже из Москвы должны приехать. Лучше потом...

– Как – потом? Когда потом?! Ты что такое говоришь?! Надо туда, к ним! – Ника сунула сумку с учебниками Шевцовой. – Пусть пока у тебя будет! Мне надо к Бестужевым срочно!

– Надо, но не сейчас, – рассудительно сказала дисциплинированная Аня. Она забрала учебники у Наташи и вернула их Нике, – сейчас там не до нас. Там милиция... И вообще. После школы, сразу после школы мы пойдем к ним. Все пойдем. И потом, девочки, надо контрольную все-таки написать.

Ника подчинилась, пытаясь понять, как вдруг ее тревога, страх и предощущение плохого из чего-то эфемерного вдруг превратились в жуткую реальность.

Глава 2

Бестужевы жили в девятиэтажном доме, который еще до перестройки успел построить комбинат. Квартиры были огромные, окна выходили на реку. Жили там и начальники цехов, и инженеры, и наладчики, и семьи простых рабочих.

В этом же доме получил квартиру директор шелкопрядильного комбината, назначенный на этот пост давным-давно и уверенно руководивший старейшим предприятием. Примерно с восемьдесят восьмого года из производства вытрясло душу так, что в городе уже открыто заговорили о закрытии.

- Надо уезжать!
- Пропадем.
- Это – конец.

Все это говорилось теперь на кухнях, где жены пытались, с одной стороны, успокоить мужей, с другой – сами не могли скрыть панику. Денег у людей не было, а те, которые были, – обесценивались. Отрезы тканей, которые выдавали иногда вместо зарплаты, ездили продавать в соседние города и в Москву.

И только Бестужев сохранял спокойствие. Не потому что имел накопления – он как раз был человеком не очень бережливым. Он сохранял спокойствие, потому что не мог допустить, чтобы подчиненные видели его паникующим. Ему надо было, чтобы комбинат работал любой ценой, хоть и вполсилы. Он готов был сократить производство и оставить один-единственный цех, но чтобы только не закрывать комбинат. Бестужев знал, что открыть комбинат больше не получится. Его разграбят, распродадут уникальное оборудование, а здание либо разрушат, либо сдадут под склады и автомастерские.

Бестужев был не наивным, прекраснодушным энтузиастом-патриотом своего дела, а скорее строгим практиком и отлично умел считать. Его не мог обмануть этот бум кооперативного движения – появление вареной джинсы на местном рынке не свидетельствовало о развитии производства. Оно лишь говорило, что у людей дела обстоят плохо и они вынуждены браться за любую работу. Бестужев знал, что будет еще хуже – поставщики один за другим либо закрывались, либо переходили на бартер. И от Бестужева не укрылось появление в городе тех, кто не работал, но имел большие деньги. Петр Николаевич понимал, что вся эта нынешняя мусть рано или поздно осядет на дно, а настоящий капитал можно зарабатывать только настоящим делом, поэтому считал своим долгом сохранить комбинат.

Первые посетители появились у него в кабинете в девяносто первом. Он знал всех троих. Один когда-то работал у него в красильном цехе, другой был соседом, третий – одаренным математиком, когда-то гордостью местного отдела образования. Они вошли без стука, оттолкнув секретаршу. Бестужев зло прищурился и, нажав нужную кнопку, вызвал охрану. Он давно подготовился к таким визитам. Его коллеги директора окрестных предприятий уже рассказывали про этот новый вид знакомства.

– Если захотите поговорить – запишитесь на прием. На моем предприятии в этом смысле ничего не изменилось, – сказал Бестужев незваным гостям и приказал их вывести вон.

– Пожалеешь, – кинематографически прошипел математик.

«Дурак ты», – подумал про себя Бестужев. Он знал, что таких бояться не надо. Бояться надо других. И эти другие появились через месяц.

– Добрый день! Простите, я с Петром Николаевичем разговариваю? – Говоривший имел приятный солидный баритон.

- Да, это я, – ответил Бестужев.
- У вас очень похожи голоса.
- У кого? – не понял Бестужев.

– У вашего сына Егора и у вас, – ласково засмеялся собеседник.

– Вы хорошо знаете моего сына?

– Отлично знаю.

– А он подозревает об этом?

– Думаю, нет. И это совсем не нужно. Главное, об этом знаете вы.

– Понимаю, – ответил Бестужев, – вы хотите приехать ко мне поговорить? Правильно я понял?

– Совершенно правильно, – последовал ответ.

– Я жду вас. Пропуск будет выписан на имя?

– Николай.

– Нужна фамилия.

– Бесфамильные мы, – рассмеялся собеседник.

Через два часа в кабинет вошли двое высоких мужчин, отлично одетых, с манерами вкрадчивыми и спокойными. За их спинами маячила секретарша. В руках у нее был букет цветов и коробка конфет, в глазах – удивление.

– Проходите. Присаживайтесь, – Бестужев встал навстречу гостям.

Он наперед знал весь разговор и сейчас припоминал все то, что заготовил на подобный случай.

– Я – Николай, – сказал один из них.

– Виктор, – сказал другой.

– Слушаю, – Бестужев волновался, но всеми силами не показывал этого, – если хотите, курите.

– Что вы! Мы ведем здоровый образ жизни. Физическая подготовка, здоровое питание.

И никаких сигарет.

– И водки, – добавил Виктор.

– Отлично. У меня так не получается, – вздохнул Бестужев, доставая зажигалку.

– Это потому что вы нервничаете.

– И беспокоитесь, – опять добавил Виктор, словно они играли в «найди синоним».

– По-другому не получается пока, – сухо отвечал Петр Николаевич.

– Бывает, – кивнул Николай. – А мы бы хотели поговорить о комбинате.

– Догадываюсь. Давайте сразу к делу. Вы уже вторые посетители, которые хотят о комбинате разговаривать.

– Всего лишь вторые? – удивился Николай. – А мы думали, тут очередь стоит.

– Может, и стоит. Только я об этом ничего не знаю. А вот трое уже приходили.

– И что вы?

– Я их выставил.

Николай изобразил на лице предостережение:

– Ну, может, люди просто потолковать хотели.

– Может. Только вели себя по-свински.

– Понимаем, – склонил голову Николай.

– Я слушаю вас.

– Для начала расскажите немного о производстве. Нет, без технических подробностей.

Расскажите о том, какие ткани вы можете выпускать?

– Это как на уроках профориентации? – усмехнулся Бестужев.

– Да, на них.

– Хорошо. Итак, мы выпускаем шелк. Шелковые ткани бывают натуральные, искусственные, синтетические.

– Разница?

– Очевидная. Сырье для натурального шелка – шелковая нить-сырец. – Бестужев на минуту забыл, зачем пришли сюда эти люди. Он вдруг почувствовал прилив сил – рассказывать о том, что самому давно известно, и о том, что доставляет удовольствие делать, оказалось делом приятным.

– Так вот. Натуральный шелк – это уникальная штука. Сырьем для него является кокон, вернее, нить, из которого этот кокон сплетен. Эта нить не растительного и не животного происхождения. Это продукты специальных желез тутовых шелкопрядов. И происхождения этих выделений на восемьдесят процентов состоят из белка. Ну, и еще немного такого специального клеящего вещества. Повторяю, это уникальный продукт природы. Процесс получения нити – очень сложный, долгий и кропотливый. Его в древнем Китае изобрели, долго держали в секрете, а потом одна из принцесс китайских вышла замуж за иностранного принца и провезла в своей прическе тутовых шелкопрядов. Так мир узнал про шелк. Ну, не знаю, легенда или нет. Но Китай по-прежнему на первом месте по производству шелковых тканей. А ткут их из шелка-сырца. Кстати, знаете, почему шелк так блестит на свету?

– Почему?

– Нить в разрезе трехгранная. И свет преломляется, как в призме.

– Ух ты, – покачал головой Николай.

Виктор промолчал. Было вообще не очень понятно, слушает ли он.

– Еще есть искусственный шелк – это производное целлюлозы. Не буду мучить вас химическими деталями, но искусственный шелк – это тоже хорошо. Целлюлоза – это природное сырье. А вот синтетический шелк – это химия в чистом виде. Без этих тканей никуда – они прочные, устойчивые к свету и теплу. Но не всегда приятные на ощупь. И не всегда полезны для организма. Но мы их изготавливаем – спрос на них тоже высокий.

Конечно, самая дорогая ткань – натуральный шелк. Да, еще есть разные плетения – муслин, жаккард, креп, крепдешин. Ну, я думаю, это не так важно сейчас.

– Спасибо. В общих чертах все ясно.

– Можно выпускать ткани в сочетании – натуральный шелк плюс искусственные нити. Искусственный шелк плюс синтетические нити. Пожалуйста, тут огромный выбор. Смотря для чего вы это делаете. Искусственные ткани имели спрос. Их в промышленности используют, но и одежду можно шить. Характеристики у них хорошие – одежда носится долго.

– Скажите, а какие ткани сейчас может выпускать комбинат?

– Если быть точным – комбинат может выпускать все. Оборудование позволяет. Но сейчас почти ничего не выпускает, кроме искусственных материалов в очень ограниченном количестве. Поставщики простаивают. Я уже не помню, когда мы натуральное сырье получали. Работаем на остатках. Но и они вот-вот иссякнут. Есть небольшой запас вискозной нити. Но, должен сказать, этого запаса хватит на пару месяцев. А потом комбинат встанет. Я не могу этого допустить. Я заставляю людей выходить хотя бы на полсмены. Чтобы не разбежались. Чтобы было ощущение работы. Хотя, сами понимаете, ощущений недостаточно. Нужны деньги, чтобы кормить семью.

– Мы это понимаем, – сказал Николай.

– Понятно. То есть шелк-сырец не получаете?

– Откуда! – развел руками Бестужев.

– А что вы скажете, если мы попробуем решить эту проблему?

– Я возрадуюсь и спрошу, что за это вы потребуете.

Николай рассмеялся, Виктор хмыкнул. Из этих двоих Николай был явно сообразительнее.

– Хороший вопрос. Я бы сказал – ко времени. Ну, потребуем комбинат. Контроль над ним. Сами понимаете в «тимуровцев» играть неохота.

– Вы читали Гайдара? – не удержался от колкости Петр Николаевич.

– Не обижайте меня. Я много читал. Достаточно знаю. Но в ваш кабинет пришел не это обсуждать.

– Тогда объясните мне все по порядку.

– Хорошо. Мы беремся наладить связи с поставщиками шелка-сырца. Чтобы комбинат выпускал дорогие натуральные ткани. Нет, искусственные ткани тоже будут – на них спрос тоже скоро появится. Но упор надо сделать на дорогое производство.

Бестужев согласно кивнул головой. Этот молодой человек во всем черном, в дорогой кожаной куртке излагал сейчас его, Бестужева, мечту.

– Как – это наши проблемы. Не беспокойтесь, все решаемо.

– У нас сейчас развалились эти производства.

– Есть Средняя Азия, есть Грузия. Там можно решить проблему. Может, не в таких объемах, как раньше, но можно. Там люди тоже хотят есть.

– Это радует. Сейчас деньги предпочитают зарабатывать по-быстрому. Так и говорят, «срубить» по-быстрому.

– Да, имеют право. Но нам хочется немного другого.

– Я вас понимаю. Сам об этом думал.

– Вот и отлично.

– Чего вы хотите в конечном счете? Ради чего это затеваете? – Бестужев прищурился.

– Ради чего? Ради монополии на производство дорогой мануфактуры. Пока другие не проснулись.

– Но что я должен делать?

– Руководить. Организовывать. Писать планы и рекомендации. Не воровать. Не хитрить. Не вести переговоры за нашей спиной. Ну и провести акционирование предприятия, а затем сделать так, чтобы все акции были проданы нам. Мы должны владеть производством на все сто процентов.

Бестужев вздохнул. Собственно, это не самый плохой вариант в сегодняшних обстоятельствах. Гораздо хуже, если бы разворовали комбинат.

– Думать у меня времени нет?

– Нет, – подтвердил Николай.

– Я согласен, только не мешайте мне.

– Мешать не будем, будем следить. Вот – Виктор. Это новый сотрудник вашего коммерческого отдела.

– У нас нет такого отдела.

– Будет. Теперь будет. Кстати, реорганизацией займитесь прямо сейчас, не теряйте ни минуты. Когда мы наладим контакты, все должно уже вертеться, крутиться, не скрипеть. Да, отдел рекламы тоже нужен. Одним словом, начинайте.

Бестужев проводил гостей, приказал секретарше никого не пускать.

– Приятные люди. С цветами и конфетами, – удивленно сказала Римма Игоревна.

– Очень приятные, – подтвердил Бестужев и закрылся у себя. Он просидел в кабинете до позднего вечера, а когда вышел, в руках у него была стопка исписанных листков – реорганизация комбината в свете перехода производства на натуральное сырье. Бумаги он не оставил секретарю, отнес их домой, сам все медленно перепечатал и на следующий день позвонил Николаю.

– Вот это скорость, – удивился тот.

– На данном этапе наши цели совпадают. Или почти совпадают, – ответил Бестужев.

– А потом?

– Потом, надеюсь, тоже будут совпадать. Если нет – я уйду.

– Согласен, – кивнул Николай.

По городу поползли слухи, что Бестужев продан бандитам, что директор теперь миллионер – ему хорошо заплатили – и теперь всех с комбината уволят.

Ника помнила, как гудели горожане – все так или иначе были связаны с комбинатом. Из-за Бестужева Ника даже чуть не поссорилась с подругами.

– Знаешь, ты защищаешь Бестужева, потому что Калерия Петровна дружит с ним. А Егор за тобой бежит. Но люди говорят, что он продан, – сказала как-то Наташа.

– Заткнись, – грубо ответила Ника, – никто ничего точно не знает, но все галдят, как вороны.

– Ника, просто так никто говорить не станет, – осторожно встала Аня, – мама зарплату не получает уже три месяца.

– А до этого получала? До того как он, как вы все говорите, бандитам продан, до этого – получала?

Наташа и Аня промолчали.

– Вот видите! И никого не уволили, ни одного человека! Более того, создали новые отделы – коммерческий и рекламный. И все это знают. Но все зудят и сплетничают.

Ника от гнева и беспомощности чуть не кусалась. В этих разговорах был весь их город – маленький и заполошный. Иногда хватало одного случайного слова, чтобы вранье расцвело большой клумбой. А Бестужев ни копейки не взял. Он сам не получал толком зарплату, пока «заинтересованные люди», которых представляли Николай и Виктор, не вложили в производство деньги. Ника и это помнила – в день первой большой зарплаты в городке царило радостное оживление, сквозь которое явственно читалось: «Ну, сам-то небось себе «миллионы» положил в карман!» Все это было противно.

– Не предъявляй к людям высоких требований. Они часто любят видеть плохое. И никого не слушай, – сказала Калерия Петровна дочери. – Бестужев – молодец. Настоящий мужик.

Последние слова она сказала как-то особенно тепло.

И вот Бестужева убили. Ника, которую все утро мучили предчувствия, летела по улице и пыталась понять, как связаться с Егором. По дороге ей попадались соседи и знакомые. Каждый считал нужным остановить ее и, сочувственно глядя в глаза, рассказать подробности случившегося. Ника делала вежливое лицо и не удивлялась тому, что каждый встречавший ее произносил примерно одну и ту же фразу:

– Ты к Бестужевым? Правильно. Беги, не задерживайся!

Из всего, что она слышала, было ясно одно – Петра Николаевича Бестужева застрелили в его кабинете рано утром. Директор приехал в семь часов, к началу первой смены, обошел цеха, встретился к главным инженером, а потом поднялся к себе. В приемной его ждал человек. Секретарши Риммы Игоревны еще не было.

– Вы ко мне? Проходите, – бросил Бестужев.

Он ждал наладчика оборудования, которого обещали прислать из другого города.

Человек, по всей видимости, прошел за Бестужевым в кабинет и выстрелил ему в спину. Нике сказали, что тело директора нашли на пороге.

– Умер сразу, не мучился, – доверительно сообщила Нике одна из встретивших ее теток, – а тело нашла Римма, она опоздала в этот день. Нашла и потеряла сознание. Даже не смогла никого позвать. Но через пару минут в приемную пришла уборщица. Она-то и закричала. А выстрела никто не слышал. Цеха работают, а эти, из заводоуправления, приходят только к девяти. Говорят, хотели в сейф залезть. Там Бестужев деньги держал. Много денег. Чьи деньги, никто не знает, но ведь говорили...

– Откуда вы это взяли? Все эти подробности? И про деньги? – перебила тетку разозлившаяся Ника.

– Так весь город говорит! – охнула тетка и тут же спохватилась: – Ну, а что деньги?! Он работал! Он как волк работал. Жалко Петра Николаевича.

Ника ничего не ответила. Пошла еще быстрее – под гору ноги бежали сами собой. Ника разглядывала улицы, пыталась увернуться от знакомых и старалась не думать о том, что сейчас чувствует Егор. «Хоть бы Егора увидеть! – Сердце Ники сжималось от жалости. – Бестужева жаль, но его не вернуть. А Егор, который так любил отца и который так был с ним душевно связан, – страшно подумать, что чувствует сейчас Егор. А эти все болтают и болтают!» – зло думала Ника, наблюдая, как горожане в стайках обсуждают случившееся.

А город не болтал, город пытался понять случившееся – ничего похожего здесь еще не происходило. Город испугался, смутился, пожалел о своем злословии и громко ахал и охал. Впрочем, большинство были искренни в своем горе. Ника, теперь сторонний наблюдатель, понимала, что Бестужева любили. И верили ему, просто инерция досужего злословия и подозрительности оказалась велика.

– Сколько людей у дома! Скоро весь город соберется. – Кто-то указал на темнеющую толпу. Ника обернулась и в говорящей узнала коллегу матери.

– Что они там делают? Зачем пришли? – спросила Ника.

– Выразить участие. Бестужев был большим человеком. На нем почти весь город держался.

– Так всегда бывает, – сказала Ника, всматриваясь в темные окна знакомой квартиры, – сначала гадости говорят, потом на похоронах плачут.

Говорила она так не со зла. Она не представляла, что может сейчас утешить Егора. Не представляла, что чувствует Мария Александровна, жена, вернее, вдова Бестужева.

– Ты не права, Ника, – просто сказала женщина.

Да, Ника не права. Она знала, что сюда пришли не зеваки, сюда пришли близкие. Что с того, что Бестужев руководил предприятием? Считай, главным в городе? Отношения в таких местах, как Славск, маленьких, тесных городках измерялись соседством, а оно было близким, почти родственным. А потому напраслина, наветы особо больно ранили, в счастье все хотели поучаствовать, а беда становилась цементом.

– Господи! Да как же позвонить надо! – пробормотала Ника.

Людей у дома собралось много. Но стояли они группками, просторно. Ника пробралась к подъезду.

– Одинцова, младшая Одинцова, – зашептались вслед.

Около дверей ее остановил милиционер:

– Вы живете в этом подъезде?

– Нет, но мне надо к Бестужевым. Я знакомая. Близкая знакомая, – тихо сказала Ника.

– Не можем пустить, – милиционер почему-то употребил множественное число, – только прописанных в подъезде.

– Понимаете, я... Мне надо. Понимаете, Егор... Он в Москве. Надо с ним связаться. Мне надо узнать, сообщили ли ему... Может, помощь нужна. Пропустите. А вдруг он уже дома?

Милиционер посмотрел внимательнее:

– А зачем вам знать, дома ли Бестужев Егор?

Ника с удивлением уставилась на парня в форме.

– А как иначе? Если его нет, то я и проходить не буду. Если он дома – попрошу вас пропустить меня.

– Ага, – кивнул милиционер, – но пустить не могу и дать интересующую вас информацию – не имею права.

– Я поняла, спасибо. – Она сошла с крыльца и смешалась с толпой. Ника понимала, что, скорее всего, Егор с матерью занят приготовлениями, что ему не до разговоров, а утешения сейчас не услышатся. Они понадобятся тогда, когда все будет позади. Когда будни, обычные

дни, рутинная жизнь вступят в свои права, но ежеминутно будут напоминать об утрате. Ника присела на угол дворовой лавочки и, прислушиваясь к разговорам, стала ждать.

У дома Бестужевых она пробыла довольно долго. Люди все время менялись, одни уходили, другие останавливались на минутку, потом задерживались. Разговоры велись тихо, но спорили о причинах случившегося, о виноватых, рассказывали истории соседних городков. Все были единодушны в том, что такого директора найдут не скоро. А может, и вовсе не найдут. Ника сидела, слушала. Некоторые ей выражали соболезнования. Она смущалась – в несчастье молва тут же сделала ее невестой Егора Бестужева, но что-либо объяснить или отрицать она не могла. И потом, здесь за день перебывал весь город, а спорить со всем городом занятие бессмысленное.

Наконец она решила оставить свой «пост». Никто из Бестужевых так и не приехал. Окна по-прежнему были темными. Апрельское теплое солнце сменилось сырой, почти зимней прохладой вечера. Такая пронизывающая и вместе с тем свежая сырость напоминала о позднем, не успевшем растаять снеге. Он обычно прячется в лесу, под мохнатыми ветвями елей и прошлогодней хвоей. Ника, вдыхая холодный воздух, вспоминала, как они с Егором сбежали в лес. Родители страшно ругались, хотя и не могли толком объяснить, чем же им не нравятся эти прогулки. А в лесу пахло именно так. И этот запах будоражил, обнадеживал, делал все вокруг волшебным. Казалось, пусть не кончается эта ранняя весна, пусть будет долгое предвкушение настоящего лета.

«Что же теперь?» – вдруг спросила себя Ника, пытаясь понять, что последует за тремя днями скорби, за неразберихой на комбинате и за волнениями в городе. Ее пугало то, что подправить, исправить, изменить ничего нельзя. В ее жизни это первая настоящая трагедия, и как вести себя, она не знала. Только поздно вечером она нашла в себе силы покинуть двор Бестужевых.

Дом Ники был темным. Не горели окна, не горел фонарь над крыльцом. «Мама еще на работе. Неудивительно. Сейчас все будут заняты одним делом». – Ника вытащила ключ, но дверь оказалась открытой.

– Мама? – Ника вошла в темный дом. – Мама, ты пришла?

Ветер зашумел на улице, и Нике показалось, что ей кто-то ответил. Но кто может быть в доме, кто открыл дверь? И почему здесь так темно? Вдруг страх охватил ее и не дал сделать ни единого движения. Ника стояла в темноте, всеми силами стараясь не закричать, – в доме слышались звуки.

Глава 3

– Кто здесь?! Мама? Это ты?.. – повторила Ника и поняла, что странные звуки доносились из комнаты матери. И эти звуки – плач. Тихий, сдавленный, отчаянный.

– Мама! Что ты меня пугаешь! Почему ты не отвечаешь? – Ника помчалась в комнату и там щелкнула кнопкой торшера. – Ты дома? Почему не отвечаешь? – Ника уже хотела возмутиться, но осеклась.

Калерия Петровна лежала на диване, уткнувшись в подушку. Плечи ее содрогались от рыданий.

– Что такое? Господи, мамочка, да что такое с тобой!

В ответ Калерия Петровна заплакала еще сильнее.

Ника сбегала на кухню, налила воды, накапала лекарства, силой заставила мать все это выпить.

– А теперь – говори! – Ника почувствовала себя взрослой. «Я и есть взрослая. Сколько можно быть маленькой дочкой?!» – подумала она и, взглянув на мать, все поняла.

– Бестужев? Петр Николаевич? – догадалась Ника.

Мать покачала головой, и слезы снова полились из глаз.

– Что ты! Перестань! Уже не сможешь. Мама, я же все понимаю, но не сможешь. Ты перестань плакать. Все пройдет. Вот увидишь. Все пройдет. Ты будешь его помнить. Всю жизнь. Но будешь помнить совсем другим и по-другому. Мама, поверь мне, я знаю. Я точно знаю. Ты ни разу не вспомнишь этот день. Но зато будешь вспоминать другие – радостные, светлые. Их ведь много у вас было? Теперь я все понимаю...

Калерия Петровна с удивлением посмотрела на дочь, которая все правильно поняла.

– Я тебе никогда не говорила. И думала, что ты ничего не заметишь. Не поймешь. Но сейчас даже скрывать не хочу. Я любила его. И он меня. Но мы не могли быть вместе.

– Я догадывалась. Тебе тяжело. Ты так и не вышла замуж, несмотря на одиночество.

– Он не ушел бы из семьи. И я не смогла ее разбить. Так все было сложно.

– Мама, так у всех. У всех есть что-то, что нельзя изменить. Ты это знаешь лучше меня.

– Похоже, что ты все-таки умнеешь, – улыбнулась Калерия Петровна. Она привстала с подушки и поцеловала дочь.

Ника смутилась, никогда мать не была с ней так доверительна.

– Я пойду чайник поставлю, а ты иди умойся и будем ужинать. Кстати, я контрольную написала, решила все задачи. И похоже, на сегодня это единственная хорошая новость, – грустно отчиталась Ника.

Ника готовила ужин – пока она взбивала яйца для омлета и варила картошку, она припоминала все, что еще недавно казалось таинственным и загадочным, а теперь стало явным. Ника вспоминала, как мать пыталась скрыть свою влюбленность. И Нике, совсем еще юной, стало жаль Калерию Петровну. «А ведь это и из-за меня тоже. Чтобы меня не расстроить, не навредить. Город-то маленький! – думала Ника, безумно жалея мать. – Ничего. Это только сейчас тяжело. Бестужева мы будем помнить живым. Все детали этих дней уйдут».

Сама того не подозревая, семнадцатилетняя Ника обнаружила «закон памяти» – сам по себе материальный мир воспоминанием быть не может. Воспоминания – это люди и чувства. Детали, предметы – это лишь орнамент.

– Все готово, давай ужинать, – позвала Ника мать. Тушенку Ника добавила к картошке и посыпала это все луком «с подоконника».

– Зачем ты омлет сделала? Картошки с мясом достаточно! – упрекнула ее мать.

– Мам, яйца в холодильнике еще есть. Но если надо, завтра еще купим.

– Ника, я иногда удивляюсь тебе. Ты что шикаешь?! Ты яйца в магазине когда видела? Я же целый день на работе, следить, что и когда привезут, не могу. Придется тебе после школы купить яйца, только не в «большом» магазине. Ты в наш, угловой загляни. Там все не так дорого. Но и очереди!

– Конечно, я куплю. Я завтра же куплю, – Ника пожалела об омлете. Вот тебе детали и «орнамент». Оказывается, о хлебе насущном надо все же помнить. Но она радовалась, что мать рассердилась – хоть немного отвлеклась от мыслей о Бестужеве.

Они сели за стол, принялись за еду, Ника незаметно рассматривала ужинающую мать. Что можно сказать об их отношениях? Вернее, что могла семнадцатилетняя Ника сказать о своих отношениях с мамой. Они были сложными, эти отношения. И Ника вдруг по-взрослому призналась себе в этом. Со слов матери выходило, что именно Ника причина их конфликтов. «Ты не слушаешься меня. Ты не занимаешься как надо. Ты не умеешь разговаривать». Вообще, всегда существовало очень много «не». С другой стороны, всегда находились примеры, которые с готовностью предъявлялись Нике. Это дети знакомых, соседей, а также какой-то мифической Тамары, которая когда-то училась с мамой в институте, а теперь не могла нарадоваться на свою одаренную и просто-таки выдающуюся дочь. О чем бы ни зашел разговор, дочь Тамары это уже сделала, узнала, выучила, освоила. Ника однажды не выдержала и огрызнулась:

– Мама, ты мне скажи, когда дочь Тамары выпьет свою первую рюмку водки. Вот тогда я последую ее примеру. А пока – погожу.

Эта фраза прозвучала, когда Нике исполнилось тринадцать лет. В ответ она получила легкую пощечину. В доме повисло молчание, которое прервалось только через неделю. Ника не извинилась перед матерью, она даже не пыталась сделать виноватый вид. Нике надоели эти неизвестные Тамара и ее дочка. Какое-то время прошло без упоминаний «идеального ребенка», но пьедестал пустовал недолго – дочь еще одной знакомой оказалась весьма подходящим объектом поклонения. Иногда Нике казалось, что мать придумывает эти все назидательные истории, поскольку ничего более убедительного предложить не может. И она опять начинала обижаться, ощущать готовность огрызаться и грубить в ответ. Но в глубине души даже у маленькой Ники жила жалость. Эту жалость она почерпнула у соседей и знакомых, эта жалость облекалась в словосочетание «мама – вдова». Она быстро узнала и значение слова «вдова» и, то, что ее отец был человеком очень хорошим, добрым и заботливым. Это она узнала от посторонних людей, мама об отце никогда не рассказывала. Ника не помнила, чтобы мама присела на краешек постели и стала вспоминать что-нибудь из прошлой жизни. Ника ничего не знала о привычках отца, его любимых книжках, фильмах, блюдах. Дочь пыталась задавать вопросы, но разговоры без всяких объяснений прерывались. Ника гадала: отчего это так? Ведь, судя по всему, до случайной смерти отца жизнь родителей была безоблачной. Во всяком случае, так твердили все. Только потом, во взрослой жизни, Ника нашла силы простить мать за эту скрытность и смогла объяснить ее поведение. Мать, безумно любившая отца, замкнулась, дабы никто не мог ее пожалеть, увидеть ее горе и слабость. От жалости она потеряла бы силы, а росла дочь, и рассчитывать можно только на себя.

Ника выросла, но отношения доверительными не становились. Она с завистью смотрела на Шевцову Наташу, которая делилась с матерью всеми секретами, даже очень личными.

– Ты не боишься? – как-то спросила подругу Ника.

– А чего бояться, – вылупила голубые глаза Наташа.

– Ну, узнает, что вы целуетесь... – смутилась Ника.

– Так я сама все рассказала, – прыснула Шевцова.

Ника позавидовала и решила попробовать такую же откровенность в семье:

– Мама, я гуляла с Егором Бестужевым, – сказала как-то Ника.

– Не будь дурой! Егор взрослый парень, а ты мелкая еще, – ответила мать и замолчала на весь вечер. «Вот и поговорили!» – уныло подумала про себя Ника. А ей так хотелось рассказать

о том, что сын Бестужева уделяет ей внимание, что он иногда провожает ее из школы. Что ведет он себя скромно, хотя и взрослее многих школьных нахалов. Но среди ночи ее разбудила мать, которая усадила ее на постель и заставила прослушать лекцию о половом воспитании. Ника поняла, что мать больше смутилась от признания дочери, чем рассердилась. А, смутившись, испугалась, что не позаботилась вовремя объяснить элементарные вещи. И вот, чтобы срочно восполнить пробел, устроила этот ликбез, словно до утра нельзя подождать. Но не в привычках Калерии Петровны откладывать важные дела в долгий ящик!

Ника выросла, но тепла в отношениях не появилось. Иногда Ника пыталась понять, отчего так произошло, почему не получалось у них быть близкими. Почему так часто проявлялись раздражительность, придирки, недовольство матери, ведь нельзя же горе, уход мужа, превращать в наказание для дочери.

Все переменялось внезапно. И случилось это почти сразу после той памятной «воспитательной» ночи. Ника не сразу поняла, в чем дело, но потихоньку дома воцарилось спокойствие. Нет, откровенности особой не наметилось, но в матери появилась мягкость, ласка, добрая насмешливость. Ника поудивлялась, а потом и перестала об этом думать. Она была счастлива от таких перемен, хотя долго не догадывалась об их причинах.

Через два дня после ночной лекции Калерия Петровна записалась на прием к директору комбината Петру Николаевичу Бестужеву.

– У него есть полчаса с утра, – сказала секретарь Римма Игоревна, – подойдите к десяти. Только не задерживайтесь.

Калерия Петровна порадовалась, что она сообразила переговорить с Бестужевым в его рабочем кабинете: «Там проще. Можно коротко, по делу, никто не услышит и не узнает. Мало ли какие вопросы директор музея обсуждает с директором предприятия!»

К встрече Одинцова подготовилась – оделась строго, но в уши повесила большие серьги. Это был намек, что посетительница женщина не только деловая, но и, несмотря ни на что, следящая за модой. И что она отлично понимает важность и деликатность вопроса, который она пришла обсудить. Калерия Петровна и так была женщиной интересной, а когда ставила перед собой цель, то лицо озарялось неким подобием страсти, что очень ее украшало.

– Добрый день, чем могу помочь музею? – Бестужев вышел в приемную встретить Одинцову.

– Добрый день! – ответила Калерия Петровна и громко, чтобы услышала Римма Игоревна, сказала: – Ох, проблем много, не буду мучить сразу всеми. Хоть бы об одной с вами потолковать.

– Конечно, – улыбнулся Бестужев и пригласил жестом в кабинет.

В кабинете он сел не за свой огромный стол, а напротив Калерии Петровны, подчеркнув неформальность обстановки.

– Чай или кофе? – поинтересовался он.

– Спасибо, ничего не надо, – отказалась Калерия Петровна и приступила к разговору: – Я не о музее пришла поговорить. Хотя проблем там полно. Я пришла поговорить о наших детях.

– О ком? – изумился Бестужев.

– О наших детях. О моей дочери Веронике и о вашем сыне Егоре. Я долго не буду тянуть. Егор ухаживает за Вероникой. Но ему уже восемнадцать, ей всего пятнадцать. Со своей стороны я сделала, что возможно. Она понимает опасность этих отношений. А с другой стороны, он ей нравится. Но мужчина может быть настойчивым, нетерпеливым. Он может, – тут Калерия Петровна запнулась, – пренебречь условностями и правилами приличия. А мне не хотелось бы, чтобы Ника попала в неприличную ситуацию. Я прошу, поговорите с сыном. Лучше всего будет, чтобы эти отношения прекратились.

Закончив речь, Калерия Петровна подняла глаза на Бестужева. Тот сидел красный как рак.

– Э... что-то уже случилось? – осторожно произнес он.

– Насколько мне известно, нет. Но разве надо этого дожидаться?

– Что вы, конечно, нет, – Бестужев как-то неловко взмахнул рукой, – поверьте, Егор парень хороший. Он же учится, учится отлично. Кстати, когда они успевают встречаться?

– Он ведь приезжает домой, – пожал плечами Калерия Петровна, – вы поймите меня правильно. Может, я дую на воду. Скорее всего, я беспокоюсь напрасно. Но она школьница. Он – взрослый почти. В Москве. Своя жизнь у него.

– Не объясняйте, я вас отлично понимаю. И правильно, что пришли. Хочу только сказать, парень он хороший. Не шляется, не выпивает. Я доволен им. Специальность у него прекрасная, сам выбрал. Главное, чтобы работу нашел. Но, если что, возьму к себе. Он комбинат любит.

– Я рада за Егора. Думаю, вы его прекрасно воспитали. Но, Петр Николаевич, у меня дочь. Она без отца. Я работаю. Конечно, мне иногда бог знает что мерещится и кажется. Но это только от страха, что не услежу! Сами знаете, и возраст, и влияние.

– Да вы не волнуйтесь. Я с Егором сегодня же поговорю. Я ему... – Бестужев сжал большой кулак.

– Что вы! Не дай бог! – ужаснулась Калерия Петровна. – И вообще, не выдавайте меня. Я не хочу, чтобы Ника знала о моем визите к вам. А если узнает Егор, узнает и она. Нет, он ничего не скажет, да Ника все поймет сразу. Я ее знаю. Вы так, тихо, деликатно. Ну, намеком...

Калерия Петровна говорила, а сама думала, что это советовать легко. Трудно держать себя в руках, когда появляется страх за ребенка.

– Простите меня, я не хотела вас огорчать. И против Егора ничего не имею. Но, понимаете, Ника еще маленькая. Всего пятнадцать лет.

– Не извиняйтесь. Вы правильно поступили. И вообще, другая заманивала бы Егора. Зять-то он неплохой будет, – Бестужев не удержался от проявления отцовской гордости, – а вы вот так... Я с ним поговорю. А потом позвоню вам.

Бестужев очень скоро появился в музее. Приехал к концу дня, прошелся по маленьким залам и только потом заглянул в кабинет к Калерии Петровне.

– Можно? – Петр Николаевич сделал галантный взмах шляпой.

– Конечно, проходите. Садитесь. Я сейчас отпущу сотрудников, и мы сможем поговорить. – Покрасневшая Калерия Петровна поспешила в соседнюю комнату. Вернулась она минут через десять, держа в руках пакет с ванильными сухарями.

– Будем пить чай, – сказала она.

– Будем, – неожиданно легко согласился Бестужев, – только я водителя отпущу, мы в район соседний ездили, устал он. А до дома мы с вами и пешком дойдем, я вас провожу.

Бестужев вышел, а Калерия Петровна постаралась сделать вид, что ничего удивительного не услышала.

Просидели они долго. Так долго, что зашел музейный сторож, который заступал на вахту в десять часов вечера.

– Зачем вы сторожу про смету соврали? – рассмеялся Бестужев, когда они шли по ночной улице.

– А что я должна была сказать? Что мы с вами начали с обсуждения детей, а закончили воспоминаниями и рассказами о личной жизни? Кстати, вы не волнуйтесь, я никому ничего не расскажу. Я вас понимаю, когда такие плохие отношения с родным человеком – это очень тяжело. И в себе держать бесконечно нельзя. Да, развестись бы вам... И ей было бы легче, и Егор понял бы со временем, и у всех появился бы шанс стать счастливыми...

– Это вы хорошо сказали – шанс стать счастливыми. Я думал об этом, но, смешно и стыдно сказать, работа не давала личной жизнью заняться. Вроде понимаешь, что все плохо и никогда уже хорошо не станет. Знаешь, но ничего не делаешь. Сил не хватает. А потом, знаете,

как раньше «давили на печень». Развод в семье руководителя, да еще партийного! Это сейчас времена меняются.

– И слава богу, – улыбнулась Калерия Петровна, – спасибо, что зашли. Спасибо, что с Егором поговорили.

Они пошли путями окольными. То ли оба, не сговариваясь, выбрали безлюдные улицы, то ли само собой так получилось. К дому Калерии Петровны они подошли в начале двенадцатого.

Одинцова улыбнулась:

– Вот я и пришла.

– Жаль, я бы вас еще раз проводил! – вздохнул Бестужев. – До свидания. Спокойной ночи. Буду держать ситуацию под контролем. И буду вам звонить.

Не дождавшись ее ответа, Бестужев скрылся в тени деревьев.

Так начался их роман. Роман, о котором многие догадывались, злословили, но в существование которого верили не до конца.

Утром Ника не стала будить мать. Она знала, что та взяла на работе отгулы. Впереди предстояли похороны, и, конечно, надо было избавиться от всех разговоров и пересудов. Ника быстро сварила кашу, сделала бутерброды, все поставила на стол и накрыла салфеткой. Дверь она прикрыла осторожно, пытаясь не греметь.

В школу Ника прибежала за пять минут до начала уроков.

– Ты где была? – спросила Наташа Шевцова, но ответа не дождалась. В расстройстве разглядывая петлю на колготках, подруга простионала:

– Представляешь, новые! Генка купил.

– Везет тебе, – зачем-то съязвила Ника, – вчера сигареты, сегодня колготки. А там, глядишь, пойдут куриные окорочка и вообще все, что необходимо для нормального ведения хозяйства.

– Он же от чистого сердца. Понимает, что все дорого, а, например, без колготок прожить нельзя, – обиделась Наташа, – тебе что, Егор ни разу подарков не делал?

Ника промолчала. Егор тоже делал подарки. Но они были смешные, добрые и с практической точки зрения совершенно бесполезные. Егор дарил игрушки, книжки, смешные открытки, конфеты. Однажды Ника посоветовалась с матерью:

– Другим девчонкам дарят вещи. Или деньги дают, чтобы они себе что-нибудь купили. А Егор словно ребенку дарит.

Калерия Петровна, с ужасом воспринимавшая обвальное падение нравственных устоев, ответила:

– Его правильно воспитали. Денег же он пока не зарабатывает. Только стипендию. Вот по деньгам – и подарки. Так что не переживай.

Первым уроком была история. Понятно, что после пяти минут объяснения новой темы разговор плавно перешел на трагическое событие, произошедшее в городе. Преподаватель истории молодой Илья Львович рассуждал:

– Мы никогда ничего не узнаем. Вряд ли милиция быстро раскроет преступление. Уж больно профессионально все сделано. Сами посудите...

Ника вполуха слушала историка и гадала, почему до сих пор не позвонил Егор. Почему до сих пор он никак не связался с ней. «А вдруг он не хочет со мной разговаривать?! Вдруг кто-то другой рядом с ним сейчас?!» – подумала было Ника, но вовремя опомнилась. Рассуждения такого рода неприличны и неуместны в данный момент, даже если учесть, что в любом возрасте женщина крайне эгоистична. Особенно если это касается отношений с мужчиной. Женщина горы свернет ради любимого, но в голове всегда будет маленькая мыслишка о его измене. Ника была слишком молода, чтобы пускаться в подобные рассуждения, она лишь старалась не терять голову.

Сделав вид, что прислушивается к гомону в классе, она решала, что ей надо сделать после уроков.

Внезапно в спину толкнули чем-то острым. Ника откинулась на спинку стула.

– Ник, слушай, а Егор-то тебе звонил? – прошептала сзади Аня.

– Не звонил, она и злится, – ответила все еще обиженная Наташа, сидевшая рядом с Никой.

– Нет, не звонил, – ответила она Ане, – сама посуди, он же сейчас должен быть рядом с матерью. Некогда ему.

– Не хочу тебя волновать, но все-таки странно, – прошептала Аня.

Ника на минуту представила себя на месте Егора. Не дай бог, как говорят в таких случаях, но она бы сразу ему позвонила. И вообще, она даже себе представить не могла, что в такой момент его рядом не будет.

– Девочки, потом, – прекратила разговор Ника.

– Зря ты так. Мы волнуемся за тебя. И за Егора тоже, – сказала Аня.

Все фразы она произносила ровным голосом, четко произнося окончания и правильно расставляя интонацией знаки препинания.

– Я знаю, – смягчилась Ника. – Я сама волнуюсь.

– С другой стороны, только вчера все произошло. Что себя нервировать, – успокоила практичная Шевцова и протянула всем по конфетке.

Беспокойство вместе с тоской – это был явный перебор, но Ника ощущала именно это. Ее совершенно не занимали догадки и домыслы одноклассников, раздражала самоуверенность, с которой отстаивались версии. Она демонстративно открыла учебник, наклонила голову и вдруг вспомнила, как познакомилась с Егором.

Всех своих поклонников Ника делила на «провожающих» и «непровожающих». Мальчики начали обращать на нее внимание еще в первом классе – стандартный комплимент «стукнуть линейкой по голове». Ника давала сдачи, и это расценивалось как ответное признание в любви. Если Ника только бросала «дурак», значит, у мальчика шансов не было. Лет в четырнадцать, когда она вдруг вымахала в высоту и округлилась в нужных местах, мальчики стали ее приглашать на танцы. Дискотеки, появившиеся в городе клубы, школьные вечера – везде Ника была желанной гостьей. И везде мальчики за нее боролись. Она же вела себя независимо – никаких звонков, взглядов, записочек. Ника не пользовалась тем арсеналом средств влияния, которыми пользовались ее подруги. Сколько бы ее ни приглашали, какие слова ни говорили, она отмалчивалась и не обнаруживала своих чувств. Когда Наташа Шевцова спрашивала, кто ей нравится, она презрительно корчила рожицу:

– Никто. Как они вообще могут нравиться? Глупые, крикливые.

Шевцова начинала расписывать достоинства поклонников, но Нику это не убеждало. После каждого вечера Нику шли провожать сразу несколько человек. Казалось, каждый не хотел оставить девушку наедине с соперником. Так она и возвращалась домой словно облепленная пчелами. У калитки она бросала относящееся ко всем сразу «Пока!» и исчезала в саду.

– Слушай, что ты таскаешь их за собой, – смеялась и сердилась Калерия Петровна.

– Они сами таскаются, – отвечала дочь.

Но однажды Ника, протанцевав целый вечер с разными кавалерами, вернулась с вечеринки одна. До калитки ее никто не проводил, по дороге никто не развлекал рассказами, никто не пытался взять ее за руку. Она удивилась, потом огорчилась, а потом позабыла об этом. Но так повторилось еще пару раз. Потом ее проводил парень из соседней школы, потом она опять шла одна. И все гадала, почему желающих потанцевать с ней становится больше, а вот проводить до дома – меньше. И только когда она сломала каблучок своих босоножек на развороченном асфальте, ей открылась нехитрая причина. Дом Одинцовых стоял в центре города, на одной из самых широких улиц. Но однажды городские власти решили благоустроить улицу,

а заодно и поменять кабель и улучшить ливневые стоки. Приняв это решение, власти раскопали улицу так, что пробраться к месту, где стоял дом Ники, стоило огромных трудов. Теперь приходилось обходить три квартала, переходить железнодорожные пути и, пройдя по территории старого песчаного карьера, заходить на центральную улицу с другой стороны. Как поняла Ника, на этот подвиг ее поклонники способны не были. Куда интересней остаться в центре, потусоваться с друзьями, похихикивать с девочками, которые жили неподалеку, и спокойно, не измазавшись в глине и песке, отправиться домой. Ника поняла, что на пути к успеху встали коммунально-дорожные службы города. Ника расстроилась, но виду не показала. Она теперь уходила раньше со всех вечеринок. Так, чтобы никто не заметил, что уходит она в одиночестве.

Егор Бестужев учился в Москве. Он не был двоечником, не катался по Москве на ярком красном «Мицубиси», подаренном папой-директором, не водил дружбу с московскими бандитами, не волочился за участницами конкурсов красоты и не сорил деньгами в многочисленных московских клубах. Егор Бестужев считался примерным студентом, который на каждые выходные приезжал домой, чем несказанно радовал родителей, живущих в непрочном и несчастливом браке. Егор, спокойный и душевный, понимал, что его присутствие необходимо родителям, что между ними нет нормальных отношений.

Егор был красив – отец всегда галантно утверждал, что в мать. Но на самом деле все самое лучшее было взято у Петра Николаевича. Серые глаза, светлые волосы, румянец и улыбка, в ответ на которую губы собеседника сами по себе улыбались. К этому прибавлялись рост и хорошая спортивная фигура. В городе он считался женихом номер один, но никто всерьез не думал, что невеста будет местная – все пророчили московских красавиц.

Ника увидела Егора на дискотеке. Она впервые внимательно его разглядела и вздохнула – молодой человек был взрослым студентом, и ей, школьнице, мечтать о нем казалось бессмысленным.

– Привет, ты не устала танцевать? – Егор оказался рядом с ней во время массовой пляски под Виктора Цоя.

– Нет, я не понимаю, как можно устать танцевать! – задорно ответила Ника. Вопрос она восприняла как сиюминутное вежливое внимание.

– Понятно, – Егор не отходил. Он топтался рядом, но ничего больше не говорил.

– А что? – вскинула Ника на парня удивленные глаза.

– Я думал, ты хочешь выйти. Подышать. Проветриться. Там весна, – улыбнулся Егор.

– Сейчас? – удивилась Ника. – Сейчас опять музыка будет.

– Она еще долго будет, – как-то настойчиво сказал Егор.

Ника внимательно посмотрела на него. Нет, ошибки не было, Егор специально подошел к ней. И выйти на улицу – это не просто от нечего делать. Это знак внимания «со значением». Ника улыбнулась.

– Пойдем, – согласилась она и, провожаемая десятками завистливых девичьих глаз, последовала за Бестужевым.

На улице, под запах сирени, под легкий ветерок они болтали обо всем на свете. Ника даже не поняла, как это у нее «развязался язык». У нее, которая обычно предпочитала помалкивать. Егор сам рассказал об учебе – остроумно, насмешливо, иронично, но объектом насмешек был сам Егор, и Нике это сразу понравилось.

– Знаешь, в Москве учиться здорово. Хоть она и большая – все близко. И погулять сходить куда-нибудь можно, и в театр.

– Ты часто ходишь в театр? – недоверчиво спросила Ника. Она боялась сомлеть от близости такого идеального молодого человека.

– В том-то и дело – ни разу. Я все время планирую, но как-то не получается...

– И что же мешает?

– Понимаешь, в будни сложно – учеба, конспекты. а в выходные сюда хочется приехать.

– Ясно. Но все-таки лучше сходить как-нибудь, а то окажется, что зря ты так туда стремишься, – рассмеялась Ника.

– Схожу. Если я решил – обязательно сделаю, – сказал он серьезно.

– Хочется в Москву съездить. Посмотреть. Только мама не отпустит.

– Знаешь, это идея. Давай как-нибудь поедем?

– Я же говорю, не отпустит она меня.

– А если я поговорю с твоей мамой?

Ника растерялась, она даже представить не могла себе подобный разговор.

– Ну, надо подумать будет, – смущенно сказала она.

Разговор, случившийся между ними, не был похож на обычную болтовню, разговор шел спокойно, доверительно. «Так разговаривают взрослые», – подумала Ника, и ей стало страшно. Она-то не взрослая, она школьница. И не получится ли, что она обманывает Егора?

– Знаешь, ты не смотри, что я такая высокая. Мне всего пятнадцать, я учусь в школе, – неожиданно для себя произнесла Ника.

Егор удивленно посмотрел на нее.

– Я знаю. Я все про тебя знаю. И маму твою, Калерию Петровну, хорошо знаю. Она у нас в десятом классе доклад по краеведению читала.

Ника смутилась.

– Ты ведь на Центральной живешь? – спросил Егор, видя ее замешательство.

– Да, – кивнула Ника и добавила: – Но провожать меня не надо. Теперь все перекопали, к дому можно подойти только со стороны старого карьера.

Егор посмотрел на нее удивленно:

– И ты собираешься пойти одна?

Ника пожалала плечами. Мол, что такого.

– Нет, мы пойдем вместе, – ответил Егор. И хотя вечер был в разгаре, он увел ее домой, проводив до самой калитки.

– Завтра я в Москву возвращаюсь, но на неделе буду дома. Я зайду за тобой, куда-нибудь сходим. Не возражаешь? – сказал он на прощание.

– Не возражаю, – ответила Ника, внимательно посмотрела на его испачканные глиной белые кроссовки и неожиданно подумала об отце. Она его плохо помнила, совсем не осталось воспоминаний об играх, прогулках, совместных занятиях, но Ника была уверена, что все это случилось в их жизни, даже если мать никогда не рассказывала ей об этом.

В этот вечер Ника впервые задумалась над тем, что в ее городе нет парня, который ей бы нравился. Ни среди одноклассников, ни среди соседей, знакомых. Ника для вида улеглась с учебником на диван и совершенно серьезно, словно ей было не пятнадцать лет, а все тридцать, принялась рассуждать, что никого подходящего на роль мужа в Славске не найти. Она вспомнила Шевцову, которая чуть ли не со второго класса мечтала о муже и собственном доме. Шевцова и сейчас об этом мечтала, но, рассуждая о семье, она почему-то говорила о кухонном гарнитуре, телевизоре и огороде.

На следующий день после их прогулки шепталась вся школа.

– Ну? – спросила Шевцова с горящими глазами.

– Что – ну? – сделала простодушные глаза Ника.

– Ладно, не притворяйся. Знаешь, о чем спрашиваю! – отмахнулась Шевцова. – Как он? Что говорил? Он до дома тебя проводил?

– Вряд ли, – подруга Аня усмехнулась, – там такую грязь развели. Раскопали три улицы и никак не закопают. Папа сказал, что это надолго.

– Ну и слава богу! – отозвалась Ника.

– Ты это о чем? – удивились подруги.

– Хорошо, что копают.

– Чем же хорошо?! – рассмеялась Аня. – Ты домой по вечерам одна ходишь, ни один парень в такую даль топать не хочет. Да еще и извозюкаться.

– Ну, кому надо и кто нормальный – тот топает. Вы же сами видели.

На этом все разговоры о сыне директора были закончены. Ника на расспросы отвечала односложно и загадочно улыбалась. Наташа Шевцова, обожающая любовные истории, изнемогала от любопытства, а Аня отпускала злые шутки.

– Анька, ты завидуешь? – наконец спросила Ника.

– Я?! – задохнулась Аня. – Я? Чему? Кому? Да все знают, что у Бестужева-младшего в Москве девушка. Модель. А еще его хотят женить на дочери какого-то министра.

– Ну да, скажешь! Министра! Да где они возьмут его? – тут уже Шевцова не поверила.

– Ну, не министра, а начальника московского, – поправила Аня, – мать говорит, что Егору не резон здесь оставаться. Он в Москве будет жить, и невесту там ему найдут. Здесь же не на ком жениться.

– А он – принц на коне? – рассмеялась Ника. – И ему принцессу подавай из хрустального замка?

– Зря ты злишься. – Аня поняла, что задела Нику за живое, и теперь воспользовалась моментом, чтобы сказать гадость с участливым видом. – Ты же понимаешь, родители хотят для детей лучшего. А кого можно у нас в Славске найти? Все живут кое-как. Работать идут сразу на комбинат. Или уезжают и работают в Москве. Самые умные идут в училище при комбинате. Ты можешь себе представить, что Егор Бестужев женится на ком-нибудь из училища?

– А, ну да. Не вышли рожей.

– Рожей как раз, может, и вышли. Со всем остальным неважно, – Аня довольно подвела итог. Она указала Нике ее место.

– Не знаю, как у вас. Но у нас в семье – не кое-кто. Моя мама – директор музея. С высшим образованием и диссертацией. И отец у меня был инженером. И живем мы не так, как ты описала, – не кое-как. Мы живем нормально.

– Ой, ну что ты злишься. – Аня наслаждалась ситуацией. Она разозлила Нику, которую растормошить было нельзя. – Не волнуйся, погуляет он с тобой. Но жениться в Москву поедет.

– Дура ты, Аня, – вдруг рассмеялась Ника, – дура ты, если в пятнадцать лет о свадьбе думаешь. Я вот думаю, в какой институт поступать буду. Где работать буду. Куда поехать в путешествие. Что для матери сделать. А ты все об одном и том же. Как будто других дел нет в жизни.

Теперь растерялась Аня. Это над Шевцовой всегда смеялись, как над любительницей помечтать о свадебном платье, а сейчас Ника взяла и высмеяла за это ее, Аню, серьезную отличницу. Оставалось только по-детски оправдываться.

После школы Ника собралась домой. Подруги на нее обиделись, словно в том, что Егор Бестужев ее провожал, была ее вина. Ника про себя усмехнулась: «Вы хотели подробностей, чтобы потом сплетничать. И обиделись, когда я вам их не рассказала. Но ведь это мое дело!»

В последующие три дня Ника сразу после школы шла домой. Она тщательно делала уроки, убирала дом, готовила обед. Закончив дела, выходила в сад и там принималась собирать листья, ломать сухие ветки и мести дорожку. Она занимала себя делами, потом приходила мать, они ужинали и расходились по комнатам. Ложилась спать Ника рано. Но как ни старалась Ника, дни текли медленно. Наконец в пятницу, выйдя из школы, она нос к носу столкнулась с Егором.

– Я жду тебя, – просто сказал он.

– Да? – растерялась Ника. Он знала, что Егор сегодня приедет в город, но никак не ожидала, что он встретит ее у порога школы.

– Ты – домой?

– Да, – опять односложно ответила она.

– Что это с тобой? На уроках язык откусила?

– Да, – ответила она машинально, и тут они оба рассмеялись.

Пока Егор гостил в городе, они встречались каждый день, бродили по знакомым улицам, уходили в лес, на реку. Они много разговаривали – о занятиях, о фильмах, о том, что происходит вокруг. Егор был вежлив, предупредителен, остроумен, весел. Ника сначала стеснялась, следила за каждым своим словом, за движением, старалась как-то по-особенному встать, сесть, чтобы казаться взрослее, изящнее. Так продолжалось до тех пор, пока Егор с удивлением не спросил:

– У тебя что-то болит?

– Почему? – удивилась Ника.

– Да ты какая-то скрюченная сегодня, – простодушно ответил Егор.

Ника вспыхнула, мысленно обозвала себя душой и перестала жеманничать. С этого момента между ними воцарились те удивительно радостные и простые отношения, которые бывают в начале любого романа.

График встреч был предопределен занятиями Егора. В Славск он мог приезжать только на выходные.

– Много всяких контрольных и практических занятий, – объяснял он Нике, но все же улучал время и неожиданно возникал в середине недели.

– Послушай, все твердят, что никто не хочет заниматься, – как-то сказала ему Ника, – все твердят, что можно легко заработать много денег.

– А это как? – посмотрел на нее Егор.

– Ну, торговать. Смотри, у нас в городе полный рынок. Прямо барахолка.

– А еще можно рэкетом заниматься, тоже неплохо, – усмехнулся Егор, – ну, кооператоров «стричь».

– Можно, – согласилась Ника, – даже знаю таких, кто этим занимается.

– Я тоже знаю. Я бы этим не стал заниматься. Это не мое.

– Понимаю, – кивнула Ника, – у тебя есть выбор. У тебя семья, которая тебя защищает. А у некоторых таких родителей нет. Им приходится хвататься за что угодно.

– Слушай, ты же умная, что же ты ерунду такую говоришь? – Егор повернулся к Нике. – Нельзя заниматься рэкетом, как бы ни хотелось есть. Вернее, даже если ты с голоду подыхаешь.

– Многие ровесники в городе рассуждают не так.

– Это их проблемы. Причем проблемы серьезные.

– Я-то согласна с тобой. Но получается, что именно они, с проблемами, живут лучше.

Егор промолчал. Ника пожалела, что затеяла этот разговор. Но ей было так интересно узнать, что думает обо всем происходящем в городе этот чистенький, словно только что умытый парень.

– Знаешь, я очень хочу иметь много денег. Очень, – наконец заговорил Егор, – но я хочу их получить иначе.

– Как?

– Думаю, скоро каждый сможет заниматься тем, что ему нравится, и тем, что он умеет делать лучше всего. Понимаешь, каждый выберет себе дело и будет зарабатывать деньги. Вот ты любишь печь пироги, они вкусные у тебя, поэтому ты откроешь пекарню. И будешь зарабатывать деньги пирогами. Или откроешь школу. Понятно, на это тоже нужны деньги. Поэтому сначала нужно будет пойти работать к кому-нибудь. К тому, кто оказался расторопнее, удачливее. Кому повезло. Вообще, придется делать самую грязную работу, прежде чем создашь свое производство.

– Как комбинат твоего отца?

– Да. Только комбинат – это не его собственность, а государственная. А мое дело будет принадлежать только мне. И оно сделает меня очень богатым. А пока я совершенно не хочу

замазаться в такой фигне, которой промышляют некоторые мои дружки. Это опасно не только потому, что в тюрьму посадят. За это и убить могут.

– И зачем тогда это все? Все эти перемены? Если запросто убить смогут.

– Так было везде, где начиналась частная собственность. Вообще-то надо учить историю, географию, а потом еще и политэкономии. Полезные науки, – рассмеялся Егор.

Нику удивил, озадачил и даже как-то напугал этот разговор. Егор не был похож на ее знакомых мальчишек. И не только манерами и умением внятно, не на жаргоне излагать свои мысли. Ника прокручивала в голове их разговоры, и они казались ей какой-то фантастикой. Еще никто не отменил комсомольские значки и пионерские галстуки, а тут спокойно рассуждают о собственном деле и капитале. Конечно, жизнь меняется, это трудно не заметить, но в изложении Егора получалось как-то все по-книжному. Словно читаешь у Драйзера про финансиста Каупервуда, собиравшегося построить железную дорогу в городе. «Он немного воображает. Понятно, умный, обеспеченный», – решила про себя она. Но эти их разговоры она не забывала, а все внимательней была к тому, что и кто ее окружал. Впрочем, иногда она задавалась вопросом, что же у них будет дальше? К чему приведут все эти прогулки и разговоры о вещах интересных, но к личным отношениям никак не относящихся. «Я ему нравлюсь, это же заметно. И стал бы он тратить столько времени на эти прогулки, будь по-другому? Но он ни разу об этом ничего не сказал. Почему?» – удивлялась Ника и, не выдержав, однажды поделилась с матерью. Что было потом – известно. Нике пришлось выслушать лекцию о том, что бывает с неосторожными и нескромными девушками, а при следующей встрече Егор сказал:

– Я не люблю делать глупости. И мы их не сделаем. Ты поняла меня?

С того дня они вели себя как влюбленные – ходили за ручку, могли обняться, поцеловаться, но ни разу Егор не позволил себе большего...

Школьный звонок отвлек ее от воспоминаний. Гул голосов и грохот отодвигаемых стульев вернул Нику к действительности.

– Я домой иду. Мама неважно себя чувствует, – Ника собрала книжки и пулей вылетела из класса. Ей хотелось побыть одной – отсутствие Егора, его молчание становилось невыносимым. Как ни уговаривала себя Ника, но объяснений внятных не было. «В конце концов, почему нельзя позвонить?! Хоть одно слово сказать?!» – вслух спросила она себя, стоя уже перед крыльцом дома.

В доме ее ждали тишина, наглаженные темные платья, которые приготовила Калерия Петровна.

– Во сколько завтра надо быть там? – спросила Ника.

– В десять, в здании музея.

– У вас?

– Да, у нас. – Калерия Петровна скрылась в своей комнате. Остаток дня прошел в молчании и тихих делах, которыми каждая из них занималась в одиночестве.

На следующий день они проснулись под стук морозящего дождика.

– Я не буду завтракать. – Калерия Петровна быстро собралась.

– Мам, хоть бутерброд съешь! – попросила Ника, но, взглянув на мать, отступила.

У музея уже стояли люди. Город собрался попрощаться с тем, кого любил, о ком сплетничал, кого уважал, кого считал виноватым в своих финансовых бедах и кого благодарил за реорганизацию. Все было так, как бывает у людей, – невозможность что-то изменить примиряет, заставляет горевать и мысленно просить прощение.

– Весь город здесь, – Ника держала мать под руку.

– Прекрасный человек. О нем только хорошее помнят будут, – спокойно сказала Калерия Петровна. Она здоровалась со знакомыми, что-то говорила, объясняла. Ника боялась, что мать не осилит этого мероприятия и сляжет, но сейчас удивлялась ее выдержке.

Ника увидела мать Егора с почерневшим лицом, ничего вокруг не замечающую. Ее поддерживали две заплаканные женщины средних лет – видимо, родственницы. Тут же были старик с тростью и парень – подросток лет тринадцати. Чуть дальше стояли сотрудники комбината.

– А где Егор? – Ника повертела головой. Ее вопрос никто не услышал.

– Мама, а где же Егор?

– Не знаю, не понимаю, может, он... – Калерия Петровна огляделась, – все, тихо... Начинают.

Заиграла музыка, вперед вышел главный инженер комбината.

До Ники доносились слова, значение которых она не разбирала, в голове вертелся единственный вопрос – почему на похоронах нет Егора.

Глава 4

Нике вызвали к следователю через два дня. Глядя на куцую повестку, Ника почувствовала тошноту.

– Мам, зачем это? – спросила она у Калерии Петровны.

– Не знаю. Наверное, что-то хотят узнать о Петре Николаевиче. Ведь идет следствие.

– А как же Егор?

– Про Егора я ничего не слышала. Все молчат. Словно воды в рот набрали.

– А ты сама как думаешь, где он?

Мать посмотрела на дочь. И в ее глазах была боль. Вообще произошедшее изменило их отношения. Словно исчезла разница в возрасте, словно они обе стояли на одной балансирующей доске и ни одна из них не имела права сделать шаг в сторону, потому что другая тут же упала бы.

– По городу ходят слухи... – сказала Ника.

– Не обращай на них внимание. Люди всегда что-нибудь придумывают.

– Но где же он?! Ты знаешь, что его мать уехала?

– Слышала, что к родственникам. Они в соседнем селе живут. Ты иди к следователю, не волнуйся, не горячись, лишнего не говори. Хочешь, я пойду с тобой? Подожду внизу.

– Не надо, я сама, – Ника замотала головой.

В городском отделении милиции ей встретились знакомый участковый, два соседа по улице и главврач поликлиники. Знакомые лица немного ее успокоили. К тому же следователь, приехавший из Москвы, был молод и буднично спокоен.

– Вероника Одинцова? – Он посмотрел на пропуск, который ей дали внизу.

– Да.

– Здравствуйте, присаживайтесь. Я вам задам несколько вопросов. Постарайтесь отвечать подробно.

– Постараюсь, – кивнула Ника.

– Вот и отлично. Скажите, пожалуйста, когда вы в последний раз видели Егора Бестужева?

– Егора?! – Ника в ужасе посмотрела на следователя. Ей казалось, что, кроме нее, все знают, где он.

– Да, Егора Бестужева.

Она задумалась, потом посмотрела на большой календарь, висевший за спиной следователя, и ответила:

– Он приезжал из Москвы за три дня до убийства Петра Николаевича. Мы встречались, ходили на реку. Пили чай у нас дома. Потом покупали гвозди и прочие строительные мелочи. Его отец попросил это сделать. Мы виделись днем. И вечером тоже. Были на дискотеке. Но совсем недолго – три или четыре танца протанцевали.

– Очень хорошо, – одобрил следователь, заканчивая записывать рассказ Ники, – а в день гибели отца вы виделись?

– Нет. Он ведь учится в Москве и приезжает только по выходным. Но когда все это случилось, Егор почему-то не приехал на похороны. Я удивилась – он очень любил отца...

– Понятно. Ну а были какие-нибудь события странные накануне? Вас что-то настораживало? Даже если это какой-то пустяк, не стесняйтесь, расскажите.

Ника задумалась. Все эти дни она не находила себе места, перебирала день за днем, слово за словом, встречу за встречей, гадала, чем же объяснить молчание Егора. Она перебрала прошлое, как сапер перебирает руками песок, в котором таится опасность. Но ни два дня назад, ни сейчас Ника не нашла и не вспомнила ничего, что могло бы насторожить или удивить.

– Ничего такого не припомню. Понимаете, мы дружим, – Ника покраснела и уточнила: – Я очень волнуюсь и чего только не передумала... Но ничего не было странного. Ни в поведении, ни в словах, ни в поступках. И не случилось ничего подозрительного.

– А Егор не был напуган? Или расстроен чем-то?

– Нет, нет, точно вам говорю! Я бы заметила, – Ника смутилась.

– Я вас понимаю. Очень хорошо понимаю, – серьезно ответил следователь, делая пометки на листе бумаги.

– А скажите, почему Егор не пришел на похороны отца? Вы что-то знаете?

Следователь помолчал, а потом произнес:

– Егор пропал.

– Как пропал?! – ужаснулась Ника.

– Его нигде нет. В институте он не появлялся. Дома тоже. У родственников его нет. К вам, как понимаю, он тоже не приходил.

– Что вы! Я бы не волновалась и вам сразу сказала бы! – Ника в ужасе смотрела на следователя. – А как он мог пропасть?! Он же...

– Не иголка в стоге сена, – кивнул мрачно следователь, – я тоже так думаю. И похоже, он исчез в день гибели отца.

Ника во все глаза смотрела на следователя. Она до конца не могла поверить в то, что слышит.

– Скажите, а Мария Александровна, она... как она это перенесла? – спросила Ника и тут же вспомнила, как на похоронах вела себя мать Егора. Ее как будто не было. Она походила на куклу с трагической неподвижной маской. «Так вот в чем дело! Она не только хоронила мужа!» – подумала Ника.

– Кстати, мы никому ничего не говорим об исчезновении Егора Бестужева. Это делается в интересах следствия. Мы не знаем, что и как может повлиять на ход расследования и на поиск. Я вас очень прошу – никому ни слова. Скажите, что мы с вами беседовали о Бестуже-старшем. Об исчезновении Егора – молчать. В противном случае можете навредить делу и самому Егору.

– А если будут спрашивать? – Ника живо представила поведение подруг. Они не только будут задавать вопросы, они еще и свои глупые версии будут выдавать за официальные. А еще хуже дело обстояло с соседями, которые были в курсе дружбы Ники и Егора. «Эти набегут сегодня же. Будут приходить якобы за солью, а сами сразу в дом, и не выкуришь их оттуда. Господи, вот уж напасть!» Ника девушка вежливая, но терпеть не могла бесцеремонности в отношениях.

– Соседи уже интересовались.

– Скажете, Егор уехал.

– А почему он не был на похоронах? Город и так сплетничает.

– Понимаю. Говорите, уехал еще до всех событий. А на похороны не успел. Билет не смог купить. На самолет. А поездом долго. С матерью встретится у родственников. Будет с ней. Поддерживать будет. Вот так. И ничего лишнего.

– Хорошо. Вы найдете Егора?

– Мы ищем, – следователь подписал Нике пропуск, – мы ищем. Кстати, если вы что-то узнаете – сразу мне позвоните. Или дежурному. Вот тут телефоны. До свидания.

– До свидания.

Ника спустилась по лестнице и вышла на улицу. Во дворе под большим тополем сидела Калерия Петровна.

– Ну, что? – Она поднялась навстречу дочери.

– Нормально, – ответила та, жалея, что не поинтересовалась, можно ли рассказать правду матери.

– Хорошо, что нормально, – Калерия Петровна обняла дочь за плечи, – пойдём домой. Тебе надо отдохнуть.

Дома мама уложила Нику в постель. Ника не сопротивлялась. Ей хотелось спрятаться от всего, что обрушилось на нее. От всего, что произошло за последнюю неделю – убийство, похороны, исчезновение Егора, слухи, сплетни, нездоровое любопытство со стороны знакомых и, наконец, подтверждение догадок, что ее мать и Бестужева связывали любовные отношения. Ника была рада, когда Калерия Петровна принесла ей чай и бутерброды, и сразу же, не задавая лишних вопросов, вышла.

Как только за матерью захлопнулась дверь, Ника вытянулась на постели, положила руки за голову и стала думать. Каким странным казался мир. Внешне он не изменился – те же яблони в саду, так же хлопает калитка, скрипят половицы на кухне, точно так же в доме пахнет деревом. Все как всегда, но жизнь изменилась. И ничего не поделаешь. Ника чувствовала себя старой. «Я – старая!» – произнесла она тихо. Фраза не показалась смешной, она показалась страшной. Она представляла, что скажут ей сейчас многие – что ей всего семнадцать, жизнь длинная, что все перемелется и время свое возьмет. Но она только бы рассмеялась в лицо – она не может дожидаться, пока все это перемелется. У нее есть важное дело – найти Егора. «Господи, а что будет дальше? Что случится потом?» – думала она, надеясь, что удастся что-то изменить к лучшему. «Подправить», как она полюбила говорить. Ника, как уже случалось не раз, вспоминала отношения с Егором, и ей казалось, что такого одиночества, такой боли от расставания в ее жизни уже не будет. «Где он?» – думала она, и ей захотелось сию минуту бежать на край света, выручать его из беды. Только вместо этого она повернулась на бок, закрыла глаза и незаметно уснула.

Их знакомство, дружба, влюбленность, их ссоры и примирения, даже их ревность и подозрения – в этом во всем было так много незрелого, почти детского. Казалось, это вечная игра молодости – попробовать на зуб жизнь, осторожно ступить на зыбкую почву любви, обязательств, обещаний. Казалось, в эти игры можно играть бесконечно и беззаботно – возраст выдает бесплатный билетик на этот аттракцион. Но вот случается нечто и вмиг разлетается все, что так забавляло, что, казалось, составляет смысл жизни. И остается то, на чем, по сути, эта жизнь держится. Ника повзрослела за эти пять дней, но она этого не заметила, только вдруг стала видеть больше, понимать глубже и сочувствовать сильнее. Этот ее рост происходил помимо ее воли,сообразно обстоятельствам и готовил к вступлению в другую жизнь. В ту, где решения нужно принимать самой и где нет никого, с кем можно разделить все эти душевные тяготы.

Проснулась она поздно – за окном светило солнце, и было ощущение, что на улице жара. Ника перевела взгляд на часы и ойкнула – судя по всему, она проспала почти сутки. Услышав ее движения, в комнату заглянула Калерия Петровна.

– Как ты? Выспалась? – Она присела на край дивана.

– Да, мам. Я даже не помню, как заснула.

– Это хорошо. Так и должно быть.

– Ты на работу идешь?

– Я уже была на работе, – улыбнулась мать, я зашла тебя проведать и перекусить. Вставай, вместе пообедаем.

– Ты знаешь, у нас очень хорошо дома, – улыбнулась Ника.

– Знаю. – Мать поцеловала Нику и пошла на кухню.

– Ты сегодня оставайся дома. Поваляйся, книжки почитай. Дел никаких нет. За хлебом только сходи. – Калерия Петровна разогрела обед.

Ника с мокрой после душа головой сидела с ногами на стуле и грызла корочку хлеба.

– Схожу, – ответила Ника. – Может, еще что-нибудь надо сделать?

– Не надо. В выходные окна помоем.

При этих словах Ника сморщилась. Шло лето, но оно никогда уже не будет таким, каким его представляли они с Егором.

– Ника, перестань! – Калерия Петровна положила ложку и подошла к дочери.

– Мама, где Егор? – уже в голос зарыдала Ника. Все, что накопилось за эти дни, вырвалось наружу. Мать гладила ее по голове, пытаясь успокоить.

Одиночество – это лучший способ понять происходящее. Ника проводила мать на работу, уселась за письменный стол. На листе бумаги она аккуратно начертила таблицу. В каждую графу внесла дату и время, рядом записывала все, до мельчайших подробностей, что происходило в этот день. Зачем она это делала – она еще не знала. Егор был в Москве в день гибели отца. И это обстоятельство не давало предположить каких-либо версий. А Ника не знала и не догадалась спросить у следователя, был ли Егор в этот день на занятиях. В какое время ему сообщили о случившемся, как, на какой электричке, каком автобусе или на чьей машине он добирался до Славска. Ника ничего этого не знала, и получалось, что вместо этого жуткого дня образовалась «черная дыра». Свою таблицу она рассматривала несколько минут, потом вздохнула. Ника не была наивной – понятно, что никуда она не «полезет», ни в чем разобраться не будет, она побоится помешать розыску и следствию. Все, что она сейчас аккуратно записала в колонки, – она сделала, чтобы попытаться ответить на вопросы внутри себя.

За хлебом она пошла к вечеру. Пошла и очень пожалела. Город возвращался с работы, вел детей из садиков, вышел просто прогуляться. Каждый встречный считал своим долгом остановить ее и, выразив сочувствие, попытаться что-нибудь узнать.

– Что-то Егора не видно. Ты его давно видела?

– Ты не знаешь, кто в их квартире сейчас живет?

– Как Калерия Петровна? Переживает, поди?!

Последний вопрос задавали тетки. Время скорби в городе прошло, наступило время любопытства. Ника умело уворачивалась, ответы давала обтекаемые, неконкретные. Ее пытались «поймать», но она тут же прощалась и уходила от разговора.

– Ой, извините, мне батон надо купить, мама сейчас с работы придет!

В булочной стояла очередь.

– Ника, проходи, тебе белый? Черный? – продавщица окликнула ее, как только она вошла в магазин.

– Здравствуйте, тетя Галя, – поздоровалась Ника, – мне и белый, и черный. Но я постою, ничего страшного!

– Не выдумывай, проходи. Тебя пропустят, – продавщица Галя начальственно махнула рукой, а очередь промолчала. Гале не перечили.

– Как там мать-то?

– Нормально. В смысле, переживает, – спохватилась Ника.

– Понятно. Мы переживаем, а ей-то какво. Петр Николаевич чай не чужой вам был, – со значением сказала Галя. Ника смутилась. «Простота хуже воровства», – промелькнула у нее в голове любимая поговорка матери.

– Тетя Галя, мама, конечно, переживает. Но сегодня на работу пошла. Говорит, сотрудницы даже плачут.

– А кто там плачет?! Что им-то плакать. Вот мать твою жаль. Такой мужчина, такие отношения! Ты ей передавай привет. Скажи, чтобы заходила. Я-то ее хорошо понимаю. Помню, как мой Вася помер, я просто чуть с ума не сошла.

Покойный муж продавщицы Гали был пьяницей, изводил жену, а когда он помер, Галя расцвела.

– Спасибо, тетя Галя, я обязательно маме передам, – Ника взяла покупки.

– Иди, девочка, иди. И Егора что-то не видно? – уже в спину задала продавщица последний вопрос.

Ника с готовностью обернулась и не моргнув глазом ответила, как научил ее следователь:
– Не успел он на похороны, у родственников гостил. А сейчас напрямик поехал к Марии Александровне, она у родственников гостит. Они пока там будут.

– А, – продавщица Галя удовлетворенно кивнула головой. Очередь тихо внимала диалогу.

«Уф! – Ника вышла из магазина и перевела дух. – Вроде соврала честно!» Она поудобнее схватила свертки и пошла к дому. Только она сделала два шага, как ее окликнули:

– Ника, ты куда это?

Ника оглянулась и увидела Аню. Рядом с ней стоял молодой человек. Красивый, но в лице его было то, что всегда пугало Нику – грубость. Ника перевела взгляд на нарядно одетую Аню и поняла, что она ее остановила, чтобы дать разглядеть новое платье и спутника. Спутник не был доволен этой заминкой. Пока Аня и Ника обменивались приветствиями, молодой человек отошел в сторону.

– А мы гулять, – Аня пыталась понять, какое впечатление на Нику произвел ее спутник.

– Правильно, – Ника кивнула головой, – а я за хлебом.

– Ты завтра в школе будешь?

– Буду. Я и сегодня хотела прийти, но проспала.

– Понятно. – Аня сделала паузу, но, не дождавшись от Ники проявления любопытства, сообщила тихими голосом: – Это Семен. Он не наш, он из Александрова.

– А что здесь делает? – удивилась Ника.

– Ко мне приехал, – довольно сказала Аня.

– Здорово.

– Вообще-то у него свои дела там, в Александрове. Серьезные.

– Очень? – насмешливо спросила Ника.

– Не знаю. А что? – теперь удивилась Аня.

– Дела неприятными могут быть. Ты уж осторожней. Нам Наташки хватает с ее Генкой. – Ника вспомнила их разговор с Егором про рэкет, про наезды, про парней, которые вылезли из спортивных костюмов и стали одеваться во все черное, ездить на не новых, но иностранных машинах и обирать торговцев.

– Брось, – махнула рукой Аня, – так все сейчас живут.

– Не все, – отрезала Ника.

– Кстати, а где Егор? – Аня прищурилась. – В городе говорят разное. Может, у него тоже дела. Всякие, неприятные.

– Егор с матерью у родственников. Она плохо себя чувствует, – громко ответила Ника. Ей хотелось поставить на место подругу, но присутствие этого Семена мешало.

Дома Ника разложила покупки – сахар пересыпала в трехлитровую банку, карамель выложила в вазу. Она просмотрела уроки, повторила доклад, с которым должна была выступать через два дня, и стала разогревать ужин.

– Мам, как ты думаешь, если позвонить следователю и спросить, как идут дела, он расскажет? – спросила Ника.

Они с матерью вышли в сад. Там уже смеркалось, на темной земле выделялись первоцветы. Яблони блестящими, полными соков ветками образовали над ними шатер.

– Ника, прошло совсем немного времени. Вряд ли они что-то узнали.

– Но ведь... – Ника запнулась, – ведь не могло случиться самое плохое?

– Не думаю, – Калерия Петровна покачала головой, – так не бывает. Скорее всего, он уже с Марией Александровной. С тобой не связывается, потому что ему надо побыть одному, с матерью. Жизнь надо налаживать.

– Ты не обманываешь меня?

– Зачем? Я не буду этого делать. Я понимаю, ты любишь Егора. И он тебя.
– Ты никогда этого не говорила мне.
– Что именно я не говорила?
– Что ты понимаешь, как мы к друг другу относимся.
– Я про многое молчала, только вот не знаю, правильно ли я делала.
– Ты про Петра Николаевича?
– Да. Надо было честно тебе все рассказать, объяснить. Ты у меня взрослая не по годам.
– Мама, ты все правильно сделала. Кто знает, как бы я отнеслась к этому. Может быть, ревновала бы тебя. И ты бы мучилась, разрывалась между мной и им, а еще хуже, прекратила бы отношения. Нет, ты у меня молодец! Ты не побоялась полюбить.
Калерия Петровна рассмеялась, но в голосе чувствовались слезы:
– Ника, ну откуда ты у меня такая?
– Какая?
– Премудрая!
– Я – в тебя. И, наверное, в папу. Одним словом, обычный ребенок своих родителей.
– Пойдем спать, – Калерия Петровна встала, – уже поздно и дождем запахло. А завтра...
Завтра будет утро...

Дождь налетел внезапно. Стукнуло окно, ветки зашуршали, что-то покатилося по садовой дорожке. Ника, которую сон свалил сразу, как только она прикоснулась щекой к подушке, открыла глаза. На улице гремело и ухало. Дождь завладел городом – потоки воды неслись вниз по улице, к пристани, к реке. «Господи, просто какой-то потоп!» – пробормотала Ника и лучше накрылась одеялом. Она закрыла глаза, засунула правую руку под подушку и... И в это время послышался стук. Осторожный, словно боялись напугать. Ника замерла. Ночь за окном вдруг стала страшной, тени в комнате угрожающими. «Мне показалось, – подумала Ника, – это все дождь, это ветки, сад, вода. Нет там никого, и никакого стука не было!» Она приподняла голову над подушкой, в это время сверкнула молния и в окне показалась чья-то голова. Ника вскрикнула, выскользнула из постели, застучала босыми пятками по полу.

– Мама, проснись, у нас в саду кто-то есть! – Она тормошила за плечо Калерию Петровну.
– Ника, ты с ума сошла. Что ты кричишь?!

– Мама, я не кричу, я шепотом! В саду кто-то есть!

– Ника, ложись в постель, я сейчас тебе валерьянки накапаю. Ты просто перенервничала!

Ника растерянно посмотрела по сторонам. Она точно видела на фоне озаренного молнией сада чей-то силуэт! И стук она тоже слышала! Теперь Ника не сомневалась – в окно постучали. Хотя, если бы это был кто-то, желающий им зла, он бы не стучал, а бесшумно пробрался в дом.

– Мама, я боюсь, но надо пойти посмотреть, кто там!

Калерия Петровна выбралась из постели, накинула халат, сунула ноги в шлепанцы:

– Пойдем, посмотрим...

– Я боюсь. Хотя... Мам, там точно был человек.

Калерия Петровна внимательно посмотрела на дочь. Потом, на всякий случай, взяла в руки тяжелый подсвечник и прошла в комнату дочери. Ника осталась на месте и прислушивалась. Какое-то время было тихо, потом послышался звук раскрываемого окна, потом окно захлопнулось. За все это время Ника не услышала ни одного слова, ни одного восклицания. Словно все движения производил абсолютно немой человек. Через мгновение Ника услышала, как мать прошла в прихожую и открыла входную дверь. Послышалась легкая возня, и только тогда раздался чей-то голос:

– Свет не включайте на всякий случай.

Ника замерла на месте. Этот голос она не спутает ни с каким другим. Это был Егор.

Глава 5

– Ника, накинь халат, не стой столбом, – Калерия Петровна разговаривала сухим и властным тоном, словно наводила порядок в подведомственном музее.

– А почему свет нельзя зажечь? – Ника во все глаза смотрела на грязного, всклокоченного Егора. Его лицо было в синяках и царапинах, правая рука в крови.

– Чтобы никто не заподозрил, что мы встречаем гостей. – Калерия Петровна уже рылась в аптечке. – Ника, пожалуйста, очнись! Иди в ванную, включи колонку.

– Я вам все объясню, – улыбнулся Егор, – все расскажу. Только приду в себя немного...

– Ты сначала пойдешь в душ. Вот тебе, – Калерия Петровна дала Егору мужскую рубашку и брюки, – переоденешься. Это – отца. А твои вещи я сейчас постираю. До утра высохнут. Ника зашьет и все погладит. – Калерия Петровна говорила отрывисто, делая сразу несколько дел.

Она открыла перекинь водорода, промыла царапины Егора, чем-то смазала синяк. Потом выдала полотенце и подтолкнула в сторону ванной.

– А мне что еще делать? – растерянно спросила Ника. Она не понимала, радоваться или нет. Да, Егор нашелся, он был жив, но таинственность, с которой он появился, пугала.

– Завари свежий чай, подогрей суп, бутерброды сделай. Да, и достань, там, в буфете, водка.

– Водка?

– Господи, Ника! Человек падает от усталости, шевелись, поторапливайся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.